

«Антиревизионизм»

Тема цикла этих статей – современный ревизионизм в истории, которая в последние годы снова становится полем боя. Российской аудитории, в т. ч. Интернет-аудитории, этот процесс известен хорошо. Это и первые попытки радикально переписать историю СССР в ходе перестройки; и продолжающие эту традицию «новые трактовки» событий Великой отечественной войны; и «сенсационные открытия академика Фоменко» и его последователей; и рождающиеся на постсоветском пространстве новые мифы, которые касаются отношений России с Украиной, Кавказом или странами Балтии; и писания некоторых русских националистов, по одиозности не уступающие их зарубежным коллегам.

Этот процесс идет не только в нашей стране. По своей основной специальности я историк-востоковед, и потому хорошо представляю себе то, как подобная борьба ведется в Северо-Восточной Азии. Здесь можно вспомнить и дискуссию между Кореей и Китаем по вопросу истории и принадлежности Когурё; и «иски» Кореи и Китая к Японии относительно неправильного освещения событий в японских школьных учебниках; и пересмотр некоторых положений истории в самой Южной Корее, в том числе периодические всплески высказываний о «русской угрозе Корее», и политику властей РК и ориентирующихся на них некоторых представителей корейской диаспоры.

Нельзя не отметить и ревизионистов Запада, чья область пересмотра истории в основном связана с проблемами холокоста, хотя особенно меня поразили работы «народных историков», — от новых русских и не только националистов до их западных аналогов вроде Г. Мензиса, известного своей книгой о том, как во время династии Мин китайцы открыли Антарктиду и проходили Северным морским путем.

В меру своих скромных способностей я стараюсь противостоять этому явлению как на «своем участке фронта», так и пытаюсь написать материал общего характера, который бы, с одной стороны, позволил аудитории смотреть в корень и видеть причины этого явления, а с другой – хорошо понимать, какие методологические ошибки допускают те, кто пытается пересматривать историю, не имея для этого соответствующих знаний, и какими приемами они пользуются для навязывания аудитории своей точки зрения.

Я постараюсь быть объективным, поскольку политическая ангажированность того или иного ревизиониста не тождественна для меня его научной чистоплотности. Кроме этого, автор текста рассчитывает на то, что такие имена, как Резун, Фоменко или даже Шведов, не нуждаются в дополнительном представлении.

Первая версия этого материала, родившаяся на волне свистопляски вокруг шестидесятилетия победы в Великой отечественной войне, была написана в 2005 г. и достаточно широко разошлась по Интернету, особенно – ее раздел, посвященный приемам манипуляций фактами и их фальсификации. Эта версия переработана и дополнена примерно на треть.

Что такое ревизионизм и почему нам так важно с ним бороться

Как человек, ассоциирующий себя с конфуцианской культурой, я привык относиться к истории с особым вниманием, ибо в отличие от западной научной традиции, где история воспринимается практически так же, как и другие разделы науки, на Дальнем Востоке истории отводилось особое место и придавалось практически сакральное значение. Будучи набором прецедентов, дидактически иллюстрирующих то, как должно или не должно поступать правителю и его подданным, история рассматривалась связующим звеном между реальной политикой, с одной стороны, и этикой и моралью, с другой.

Историческая традиция народа и связанные с ней «государственные мифы» («миф» в данном контексте означает «легендизированный» вариант истории, а не миф как небылицу) представляются мне чрезвычайно важными для воспитания правильного национального/патриотического самосознания.

Исторический миф олицетворяет ту историю, которой ты гордишься и в которую хочешь верить. Славные предания, которые питают твой патриотизм и твою самоидентификацию как члена общности, которая является носителем этой истории.

Понятие «государственного мифа» очень хорошо объясняется на примере преподавания истории детям (или, если угодно, написанием курса истории «для чайников» вообще). На том этапе, когда ценности патриотизма и национальной гордости закладываются в сознание молодого поколения, оно бывает еще не способно воспринимать историю как непрерывный поток событий и тенденций. Непрерывный процесс преобразуется в последовательность неких знаковых событий, каждое из которых четко отпечатывается в памяти и является своего рода примером национальной гордости или тяжкого испытания, которое страна/нация с честью преодолела.

Понятно, что государственная трактовка истории почти всегда несколько отстоит от реальных фактов, так как являет собой версию события, причесанную официальной пропагандой. Особенно это касается школьных учебников, которые закладывают основы мировоззрения.

В этом случае государственный миф должен давать запоминающуюся «красивую картинку». Очень хорошим примером здесь является история Ивана Сусанина. Согласно историческим сведениям, этот человек действительно совершил подвиг, не выдав полякам местонахождение царя и был запытан ими до смерти. Но эта история не очень выделяется из общей

массы подобных ей, в отличие от красивой легенды об армии, которую завели в болото.

Похожая история связана с подвигом Александра Матросова. Если бы он просто закрыл собой амбразуру, пулеметная очередь перерубила бы его либо его отбросило бы волной от выстрела. На деле он забрался на дот сверху, снял шинель-скатку и, зацепив ею торчащий ствол пулемета, потянул его вверх, на себя. Немцы ухватились за шинель со своей стороны и, в конце концов, сдернули его вниз, под пули. Но пока Матросов и расчет дота боролись за контроль над пулеметом, советские солдаты успели подойти и уничтожить огневую точку. Однако, человек, затыкающий амбразуру своим телом, — это очень яркий образ героического самопожертвования.

Здесь же можно вспомнить и Зою Космодемьянскую, которая изначально была героизирована за те слова, которые впоследствии были «изъяты» из легенды о ней. После «Всех не перевешаете» было «С нами Сталин!», и изначально о ней говорили именно как о девушке, которая умерла с его именем на устах.

От такого «причесывания» подвиг этих людей не перестает быть подвигом, но превращается в миф.

Конечно, рано или поздно человек знакомится с неканоническими точками зрения, и тогда у него появляется выбор — верить или не верить официальному мифу и если верить, то — в каком объеме. Но к этому времени его мировоззрение как гражданина уже в основном сформировано.

Ревизионизм есть для меня **ПОПЫТКА ПЕРЕПИСАТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МИФ**, причем нередко новый миф оказывается куда менее связанным с реальностью.

Поэтому его не следует смешивать с достаточно распространенной ситуацией, когда общепринятая ранее научная концепция сменяется другой. Обычно такое кардинальное и безусловное изменение канонов науки в оценке того или иного события связано не с победой альтернативной точки зрения «в войне идей» или на поле интерпретации известных фактов, а с появлением каких-то новых доказательств, введение которых в научный оборот однозначно подтверждает или опровергает ту или иную точку зрения.

Именно поэтому я очень жестко отделяю попытку историка установить объективную истину и пересмотрев некие исторические стереотипы, вернуться от мифа к реальности, от стремлений, жонглируя фактами, заменить один миф на другой.

С точки зрения конфуцианца-государственника, «покушение на историю государства» есть серьезное покушение на его идейные основы. Как сказал Мао, «сознание врага и политическая воля его лидеров является гораздо более важной целью, чем тела его солдат». Деструктивное влияние ревизионизма в этом вопросе очень велико, поскольку мифы, которые служат объектом покушения, как правило, являются краеугольными камнями той или иной идеологии или знаковыми примерами, которые служат для воспитания национальной гордости.

Можно обратить внимание на то, что ни один из ревизионистских мифов, касающихся современной истории России и СССР, не является позитивным: они разрушают старые конструкции, но при этом не выстраивают ничего взамен. И потому, с точки зрения «теории заговора» деятельность Резунов и Фоменко можно расценить как целенаправленное воздействие на разрушение исторической памяти и ослабление патриотических чувств.

Поясним. Наблюдая в преддверии 60-летия Победы наплыв фильмов, статей и телематериалов вполне определенной направленности, человек, не знакомый с историей войны очно, окончательно свыкнется с мыслью, что победой нам гордиться нечего,— режим был кровавый и ужасный, Гитлер, конечно, был хуже, но совсем немножко, так как хотел убить всех евреев вообще, а Сталин уничтожал только самых талантливых представителей своего народа и его интеллигенции; армия могла побеждать, только закидывая врага своими трупами (и вообще, все победы были одержаны только штрафбатом, в спину которого стрелял заградотряд); на оккупированной территории советские войска были хуже фашистов, не уступая им в насилии и мародерстве. Между тем, на фоне отсутствия у нас до сих пор государственной идеологии победа в войне является одним из наиболее важных знаковых событий, служащих источником патриотизма. Когда же каждое из подобных знаковых событий дискредитируется, у нас получается страна, которую не хочется и незачем защищать. Что в ней было и есть такого, что достойно сохранения?

Эта тенденция усиливается в работах Фоменко, которые как бы размыывают чувство исторической преемственности, превращая историю в своего рода «слоеный пирог» или клоунаду, из которой выясняется, что Батый, Ярослав Мудрый и Александр Невский – это, оказывается, одно и то же лицо.

А ведь один раз в нашей истории это уже сработало. Представляется, что «гласность», которая выродилась в «срывание покровов с белых пятен истории», сыграла значительную роль в психологической готовности масс отказаться от советского наследия. Если вам внушают, что в истории вашей страны почти не было светлых моментов, что все мифы сфальсифицированы, что страной управлял и управляет коррумпированный тиранический режим, предать такую страну психологически гораздо легче. Разоблачения прошлого убивают уважение и любовь к тем деталям истории, которыми народ гордится и ради которых готов защищать страну.

Обстоятельства появления ревизионизма

Последняя четверть XX в. стала временем больших перемен в самых разных сферах, которые обусловили распространение ревизионизма как явления.

В той или иной мере, люди, придерживающиеся странных взглядов на историю, есть всегда, но обычно их труды непопулярны (как в историческом сообществе, так и в массах) и не пользуются поддержкой государственных структур или СМИ. Создавая тот или иной государственный миф, власть закладывает в него достаточный запас прочности, чтобы в обычной ситуации он был несменяем. Лишь в определенной ситуации ревизионизм становится модным трендом и «вызовом», который требует специального ответа.

Причины изменения ситуации можно разбить на две группы. Первая группа причин связана с изменением политической ситуации. Предложения о пересмотре итогов войны обычно начинаются тогда, когда возникает сомнение в способности победившей стороны их «перепоказать». Серьезные изменения миропорядка, сложившиеся после Второй мировой войны (не только в связи с распадом Советского Союза) влекут за собой попытку ревизии государственных мифов, ориентированных на закрепление незыблемости «старого порядка».

В первую очередь здесь, конечно, принято отмечать политические изменения, связанные с распадом СССР и кризисом коммунистической идеологии, из-за чего почти все, что было связано с ней, было отправлено на свалку истории. Переломный этап, связанный с распадом старого миропорядка и формированием нового, естественно сопровождается пересмотром идеологических установок и связанных с ними мифов.

В России эта ситуация усугублена отсутствием национальной идеи и государственной идеологией, которая могла бы заполнить образовавшийся после 1991 г. вакуум, дав методологию для понимания истории, позволяющую выстроить новые государственные мифы «взамен утерянных». Однако это далеко не единственная группа предпосылок, которые обусловили появление ревизионизма: ни выкладки корейских авторов, ни писания Мензиса, ни попытки пересмотреть итоги Холокоста, никак не связаны с ситуацией непосредственно в СНГ.

Возможно, лучше всего это видно не столько на примере постсоветского пространства, сколько на примере японского национал-шовинизма, одна из догм которого говорит о том, что за все свои преступления Второй мировой Япония уже давно расплатилась. Теперь это – деталь прошлого, и нет необходимости припоминать ей их при каждом удобном случае, особенно – как повод потребовать, чтобы Япония снова каялась за это и снова платила. Более того, дела минувших дней надо рассматривать в контексте, а тогда можно вспомнить и военные преступления союзников, на фоне которых действия Японии, может, и выделяются, но значительно меньше, чем это инкриминировалось ей «правосудием победителей».

В определенной мере понятны и причины рождения новых государственных мифов Украины или стран Балтии. Новичкам на политической карте мира нужна легитимизирующая их идеология.

А распространение «общечеловеческих ценностей», элементом которых считается агрессивная политкорректность, сопровождается разговорами об «исторической вине белых перед угнетенными ими народами Азии и Африки»: Католический мир должен каяться за Инквизицию и Крестовые походы, США — за уничтожение индейцев и использование рабов, Франция – за колониальные действия в Алжире, и т.п..

Но сводить все исключительно к попыткам историков обосновать действия политиков, значит совершить большую ошибку. По мнению автора, эта группа причин является скорее дополнительной на фоне второй группы тенденций, которые касаются как восприятия обществом истории «в новый информационный век», так и положения исторической науки.

Более важной предпосылкой является общее изменение некоторых «канонов», связанных с восприятием исторической правды вообще. Здесь можно выделить следующие моменты:

Постмодернистское видение мира

Такое пытается обесмыслить само понятие истины, оставив лишь интерпретации. Утверждается, что нет ни объективной истины, ни адекватных возможностей ее установить. Кроме того, подобно распространенному представлению о том, что все психологи стали психологами для того, чтобы научиться решать собственные психологические проблемы, внедряется мысль о том, что люди никогда не занимаются историей «просто так». Даже если у них нет абсолютно никаких корыстных намерений, они, так или иначе, ищут ответы на те вопросы, которые волнуют их как людей своего времени и используют инструментарий, вполне чуждый людям прошлых эпох.

В результате мнение одного человека считается равноценным мнению другого, а понятие компетентности и представление об аргументированной дискуссии заменяется процедурой голосования в рамках постмодернистской идеи «три миллиона леммингов не могут ошибаться».

Между тем, объективных истин достаточно: например, это фашисты жгли евреев в концлагерях, а никак не наоборот, какие лингвистические обороты тут не употребляй. А с точки зрения той же теории «истины нет» читается как «я не могу или не знаю, как устанавливать истину и потому полагаю, что ее нет».

На мой взгляд, суть данного феномена исчерпывающе раскрыл Зализняк:

- Действительно, существуют аспекты мироустройства, где истина скрыта и, быть может, недостижима. Действительно, бывают случаи, когда непрофессионал бывает прав, а все профессионалы заблуждаются. Капитальный сдвиг состоит в том, что эти ситуации воспринимаются не как редкие и исключительные, каковыми они в действительности являются, а как всеобщие и обычные. И огромной силы стимулом к принятию

верования в них служит их психологическая выгодность. Если все мнения равноправны, то я могу сесть и немедленно отправить и мое мнение в интернет, не затрудняясь многолетним учением и трудоемким знакомством с тем, что уже знают по этому поводу те, кто посвятил этому долгие годы исследований. Психологическая выгода здесь не только для пишущего, но также для значительной части читающих. Это освобождает их от ощущения собственной недостаточной образованности.

Распространение релятивистской морали

Для меня это — популярность идей типа «в политике нет хороших и плохих», «у каждого своя правда» и т. п., излагаемых, конечно, более научнообразно и значительно менее явно. И хотя, как правило, это подается как разумный отказ от идеологизированного подхода, нередко он перерастает в отказ от каких бы то ни было ценностных оценок события или стремление применить указанные выше цитаты к любому факту.

Здесь я замечу, что подобная этика – тем не менее, тоже этика, только отталкивающаяся от иных принципов, наподобие «кто победил, тот и прав» или «политика судят за то, достиг ли он своей цели и насколько эффективно он выполнил поставленную задачу, а не за методы, которыми он при этом пользовался»

Беллетризация истории

В рамках таковой как бы стирается разница между учебником истории и историческим романом на ту же тему. Для создания государственных мифов это очень важно потому, что миф сам по себе является своего рода литературным произведением, и историю Троянской войны мы знаем в основном по «Илиаде» и «Одиссее», а многие события французской истории – по романам А. Дюма, которому приписывают высказывание: *«История – это гвоздь, на который я вешаю свои картины»*. Тем не менее, прочитав «Три мушкетера», мы привычно не любим кардинала Ришелье, хотя для своей страны он сделал куда больше Анны Австрийской. А возмущаясь запретом дуэлей, не ведаем, что указанный запрет был связан с тем, что каждый год только в Париже на дуэлях гибло больше молодых дворян, чем во время войн, которые в тот же период вела Франция, а среди некоторых любителей этого занятия дуэль вообще превратилась в аналог «трофейной охоты».

Но если события истории Древней Греции отделены от нас большим временным интервалом, и мы используем художественную литературу как косвенный источник отчасти ввиду отсутствия прямых, то распространение этой тенденции на настоящее приводит к тому, что массовый читатель знает

историю не столько по учебникам, сколько по авторским трактовкам режиссеров фильмов или популярных телесериалов.

Между тем, по сравнению с книгой, кино усиливает момент «истинности» за счет одновременного визуального и вербального воздействия. И чем талантливее фильм как произведение искусства, тем больший след он оставляет в человеческом сознании, легитимизируя трактовку, навязанную нам автором даже самым фактом того, что «раз про это снимают кино, значит – так и было».

И подобно тому, как образ Василия Чапаева, созданный Фурмановым, сыгранный Бабочкиным и растиражированный в анекдотах, полностью вытеснил из массового сознания Чапаева-исторического, кинематографическая картинка вполне может заменить реальную даже в сознании очевидцев.

Рассказывают, что в конце семидесятых перед студентами выступал бывший матрос с «Потемкина», к тому времени последний, кто оставался в живых из экипажа корабля. И матрос рассказывал, что собственными глазами видел, как на Потемкинской лестнице каратели расстреливали демонстрацию, и вниз по ступеням внезапно покатила детская коляска с ребенком... хотя расстрел на лестнице и эпизод с коляской Эйзенштейн выдумал, да и с борта корабля этого всего все равно было никак не увидеть.

Хороший пример подмены реальности мифом – музей Ивана Сусанина в Костромской области, где построили его избу и иностранных туристов водят «по той самой тропе». Сюда же – настолько активная трактовка событий 1937–39 гг. как полностью необоснованных репрессий, что для современной молодежи информация о том, что такого-то в 1938г. «посадили за шпионаж» означает «посадили ни за что».

Впрочем, лучше всего беллетризация истории видна в том, насколько в массах распространены псевдоцитаты, которые приписываются историческим личностям, однако в действительности были вложены в их уста авторами художественной литературы. Например, автором известного «*Нет человека, нет проблемы*» является отнюдь не реальный Иосиф Виссарионович Сталин, а автор «Детей Арбата» А. Рыбаков. Другая, не менее известная цитата, приписываемая Г. К. Жукову — «*Бабы новых нарождают*» - на деле является продуктом творчества Михаила Веллера. Между тем, оба эти высказывания достаточно часто мелькают в СМИ и в Интернете именно как высказывания **настоящих** Сталина и Жукова.

Но в фильм многого не вставить, к тому же в нем должен быть захватывающий сюжет. В результате оперирование фактами подменяется живостью интерпретации, а логика исторического процесса, где результат очень часто является вектором, образующимся в результате сложения большого числа разнообразных факторов, сводится на уровень влияния одного-двух, причем исторические процессы подменяются при этом межличностными отношениями: «Сталин поверил Гитлеру, а тот его обманул».

При этом причиной искажения реалий может быть далеко не только изначальные пристрастия автора сценария, «который так видит». Нередко автору бывает попросту лень обращаться к консультанту-историку, привлечение которого отражается на смете, а также может изменить картинку, уже нарисованную им в своем сознании.

В одном из современных сериалов про войну я видел очень красиво снятую сцену, отражающую все штампы современного понимания Великой Отечественной: плохо вооруженные штрафники прут в фактически самоубийственную атаку на вражеские позиции, а в спину им стреляют заградотряды. Реальный исторический эпизод не соответствовал экранному ни в части участия в нем штрафников, ни даже с точки зрения рельефа местности и особенностей боя, но атака в дождь и по колено в грязи вверх по склону с картинно скатывающимися вниз трупами была слишком выразительна, чтобы от нее отказаться.

Снижение общего уровня образования и падение его престижа

Первое отучает людей думать, второе поощряет дилетантов, снижая рейтинг профессионала.

Падение качества образования в первую очередь, отражается на способности людей уметь делать самостоятельные выводы «из набора вводных» окружающего мира. Причем речь здесь идет как об общем снижении и упрощении программ обучения, так и о позаимствованных с Запада системах «тоннельного образования», когда узкая специализация достигается в ущерб общей образованности.

Особенность западной/американской системы состоит в том, что она позволяет подготовить идеального узкого специалиста. Если человек достаточно предприимчив и изначально знает, чем и как он хочет заниматься, он может подобрать при обучении такой набор дисциплин, в котором не будет никакого балласта – ничего такого, что ему потом не потребуется.

Однако, принцип индивидуального подбора курсов достаточно хорош сам по себе, но рассчитан на человека, который уже сформировал для себя долгосрочную программу саморазвития, четко распланированную на годы вперед.

Более опасный момент заключается в том, что узкая специализация достигается в ущерб общей образованности. Дисциплин, обязательных для всех, практически нет, и, например, подготовка историков-корееведов может не предусматривать знакомство с европейской историей. Человек, обладающий общей эрудицией, встречается, таким образом, значительно реже, чем в странах, где образование построено на фундаментальной основе.

Интересно и то, что, хотя такая подготовка обеспечивает очень высокий уровень компетентности в своей узкой профессии, она при этом по-прежнему позволяет воспитать «человека не рассуждающего», оставляя его

сознание открытым для манипулирования. Отсутствие общего образования как своего рода фундамента, позволяющего проводить адекватный анализ, лишает его возможности сравнивать и делать выводы, а культ науки и доверие к мнению знающих людей засоряет его мозг привычными нам по западной рекламе клише категории «клиническими испытаниями было доказано...» или «компетентные эксперты установили, что...».

В результате, исходя из собственного высокого уровня компетентности в своей области, человек автоматически подразумевает не меньшую или еще более высокую компетентность тех, кто выступает специалистами по другим вопросам, не стремясь самостоятельно перепроверять их данные, рекомендации или выводы. И если в условиях авторитарного государства его генеральной линии доверяют потому, что оно «знает, что делает», то здесь доверяют мнению экспертов (а государственный деятель таким экспертом является).

Еще одна особенность данной системы образования состоит в том, что благодаря сочетанию секуляризации мысли с догматом о личной (духовной) свободе морально-этическое воспитание не играет в ней доминирующую роль. Прямой индоктринации предпочитается косвенная, хотя основными источниками формирования личности оказываются средства массовой информации и абстрактный внешний мир.

Иными словами, семья и школа не занимаются специальным идеологическим воспитанием детей, так как «государство не имеет права кому-то что-то навязывать», а религиозная этика ограничена представлениями о свободе совести.

Падение престижа образования проявляется не только в определенной профанизации диссертационных исследований, массовом «остепенении» бизнесменов и политиков или в том, что в определенных кругах молодежного сообщества намеренное коверкание текста грамматическими ошибками становится модным приколом и поощряемым элементом субкультуры. Главное — в другом.

По сравнению с прошлыми веками мнение дилетанта имеет все большее влияние на общество, становясь равным по значимости с мнением профессионала. В XIX в., да и в начале XX, мнение неспециалиста никто и в грош не ставил, и для того чтобы выступить с критикой канона, ты должен был быть известным ученым, обладающим достаточным набором заслуг в данной области. В современном же массовом сознании принадлежность к дилетантам ассоциируется не столько с недостаточными профессиональными навыками, сколько со «свежим взглядом, свободным от косных пут официальной науки». Как сказал все тот же Зализняк: *«Девочка-пятиклассница имеет мнение, что Дарвин не прав, и хороший тон состоит в том, чтобы подавать этот факт как серьезный вызов биологической науке...»*.

Эта тенденция очень хорошо видна в дискуссиях на историческую тему на различных форумах в интернете, где оппоненты нередко «меряются» не столько профессиональными заслугами и уровнем компетентности по затрагиваемой теме, сколько иными параметрами, будь то общая нахрапистость, умение сделать убедительный текст, или наличие авторитета у данной интернет-группы. В результате громче всего звучат голоса «не самых умных, а самых шумных».

Ограниченность восприятия информации

Ситуация усугубляется еще одним интересным парадоксом, связанным с ограниченными возможностями человеческого восприятия. Объем перевариваемой информации ограничен, и с учетом того что «новые исторические концепции» создают гораздо больший «информационный шум», вероятность того, что в массах укоренится именно эта концепция, больше.

Фильм посмотрит гораздо больше людей, чем тех, кто не поленится заглянуть в учебник, особенно – с учетом того, что основными источниками информации являются телевидение и интернет, формат которых не способствует появлению в них больших материалов, содержащих развернутую оценку событий. Времени сюжета в теленовостях или пространства «новости» в интернет-газете хватает только на то, чтобы обозначить событие и привести пару кратких и емких доказательств. Как объяснил мне один из специалистов, более длинный текст люди либо не читают вовсе, либо бегло его «прокручивают». На аналитику, развернутую лицом к аудитории, нет времени и места, и она подменяется высказываниями экспертов.

Более того, происходит своего рода вытеснение одной информации другой. Так как объем человеческого восприятия информации ограничен, в подобной ситуации будут запомнены не столько сухие строчки статистики, сколько «страшная картинка». Кроме того (это было хорошо подмечено в «Семнадцати мгновениях весны»), лучше всего запоминается последняя по времени информация, и именно поэтому мне так не нравился поток полуправды и лжи, который сопровождал 60-летие победы.

На это накладывается увеличение общего объема информации, что делает отделение сигнала от шума еще большей проблемой. В Америке, если я не ошибаюсь, практически в любой момент XX века можно было напечатать очень многое, а для регистрации какой-нибудь Всемирной Академии Тайной Истории, опять же, если я не ошибаюсь, не обязательно даже иметь высшего образования. Поэтому, «Джон Смит, член Всемирной Академии Тайной Истории и автор более шести книг о проблеме мирового заговора чукотских подземных друидов», звучит внушительно, но достаточно сложно понять, есть ли у него хотя бы бакалавриат по истории.

Кстати: с ограниченными способностями человека связано и то, что гении как специалисты, обладающие равным уровнем высокой компетентности в различных сферах, встречаются крайне редко, а технологический прогресс, который повышает планку требований к компетентности, только уменьшает их число. Если во времена раньше ученых — «многостаночников» вроде М. Ломоносова или Леонардо Да Винчи вполне хватало, в XIX в. личности типа Бородина, который был одновременно прекрасным химиком и таким же прекрасным композитором, встречаются уже значительно реже. В XX же в. специализация становится все уже и уже, а это говорит нам о том, что сегодня вполне можно быть блестящим, выдающимся профессионалом в одной области и абсолютным невеждой – в другой. Тот же академик Фоменко при всем моем неуважении к нему как к автору новой хронологии заслуженно заработал свои регалии как выдающийся математик, достижения которого в этой области никто не оспаривает.

Следствий этой посылки два. Во-первых, великие люди и выдающиеся ученые тоже могут ошибаться или иметь свои «тараканы в голове», причем чем дальше отстоит сфера новых интересов такого ученого от его основных профессиональных занятий, тем больше вероятность его ошибок. Второе важное замечание заключается в том, что при учете мнения того или иного эксперта необходимо принимать во внимание не все его заслуги вообще, а только «релевантные» — имеющие отношение к его уровню компетентности в данной области. Я обращаю на это особенное внимание потому, что аргументы категории «Вы осмеливаетесь спорить с мнением заслуженного академика!» применяются ревизионистами/мифотворцами достаточно часто.

Временной фактор

Появление ревизионизма нередко связано и с ситуацией «провала во времени», когда ревизуемое событие отстоит от нас настолько, что помнящее его поколение, способное массово выразить свою «очевидческую» точку зрения на события, уже ушло. Это хорошо видно по ситуации с Великой Отечественной. Новую точку зрения осмелились широко озвучить только тогда, когда большинство ветеранов уже ушло из жизни, но дело не только в этом. Если «дети войны» успели почувствовать ее хотя бы на уровне неосознанных детских воспоминаний, часто оставляющих не столько рациональный, сколько эмоциональный след, а воспитание «внуков войны» во многом строилось на личном общении с теми, кто ее пережил и все помнил, то поколение «правнуков войны» уже утратило эту «живую передачу» и воспринимает эту войну как что-то безличное, не задевающее их собственную жизнь.

Нечто подобное имело место и в Корее, где сформировавшееся к 1980-м годам левое движение состояло преимущественно из молодежи, которая уже не помнила потрясающую бедность Первой и Второй республик, и

делала акцент на тоталитарных реалиях, в то время как более старшее поколение обращало больше внимания на экономический рост в стране, воспринимая «закручивание гаек» как необходимую для его достижения меру.

К вопросу о «социальном заказе»

Как уже отмечалось, ревизионизм может быть осознанным и неосознанным. Осознанный представляет собой ангажированную попытку написать материал, призванный подтвердить ту или иную точку зрения. Такие тексты можно называть заказными, хотя социальный заказ на них далеко не всегда является прямым или оплачиваемым. В условиях государственного мифостроительства практика «партия сказала...» отнюдь не исчезла, но несколько сменила форму: «предложение, от которого нельзя отказаться», делается не посредством вызова в партком/администрацию, а путем (наиболее частый вариант) выдачи целевого гранта под исследование «с заранее написанными выводами». Задача ученого состоит только в том, чтобы привести под выданные утверждения доказательную базу.

Противники ревизионистов, как правило, огульно обвиняют их в ангажированности и считают именно это основным мотивом: итоги Нюрнберга пересматривают неонацисты, о вкладе тюрок и кипчаков в становление русского государства говорят националисты соответствующего толка, а развязанный «в демократической прессе» пересмотр Второй мировой проплачен Фондом Сороса, ЦРУ и «жидомасонами».

Безусловно, целый ряд соответствующих организаций осознанно использует ревизионизм как разновидность консциентального оружия. Но чаще речь идет о хорошо знакомой мне по Дальнему Востоку ситуации, когда изменение международной обстановки или появление новых территориально-государственных образований или близких к ним «заинтересованных групп» влечет за собой создание новой трактовки истории, новых государственных мифов, которые призваны выстроить историческую основу, которая давала бы легитимность идеям настоящего.

Иногда «войны за историю» ведутся между существующими державами — государственные мифы у каждой страны свои, и мифологическая трактовка одного и того же события в разных странах может различаться.

Такое «столкновение государственных мифов» хорошо видно на Дальнем Востоке, где в настоящее время разворачиваются три кампании подобного рода. Первая связана с попытками Японии, чья историографическая традиция тоже в значительной мере проникнута идеями национализма и кардинальным образом отличается от корейской или китайской трактовки тех или иных событий «их совместной истории», восстановить исторический престиж. Дело здесь в следующем.

По сравнению с Германией Япония в свое время подверглась более жесткому процессу «денацификации». В него входили и разработанная в американском штабе конституция страны, согласно которой Япония не имела права иметь армию и вести войну, и существовавшие до середины 1950-х запреты на боевые искусства и целый ряд других аспектов культуры (включая даже традиционные театры), которые могли послужить возрождению самурайского духа. Немалую роль во всем этом играла и тема военных преступлений и репрессий в отношении гражданского населения, ибо на данном поприще японская армия и японские власти действительно отличились. Достаточно вспомнить хотя бы «нанкинскую резню» или деятельность Отряда 731.

Однако сегодня, в условиях когда страны, проигравшие Вторую мировую войну, давно поднялись с колен и начинают потихоньку вести разговоры об определенном пересмотре модели послевоенного миропорядка, в котором державы-победительницы обеспечили себе ключевые позиции (пример: дискуссия о включении Германии и Японии в состав Совета Безопасности ООН), Япония пытается выстроить новую трактовку своей истории, в которой ее действия во время Второй мировой войны не выглядят как проявления абсолютного зла. Делается это в основном посредством замалчивания наиболее чудовищных фактов и напоминанием о том, что колониальный период включал в себя не только эксплуатацию угнетенных регионов, но и их развитие.

Вспомним скандалы весны-лета 2001 или весны 2005 года, когда японское министерство образования одобрило несколько новых учебников истории для старших классов, где японская аннексия Корейского полуострова в 1910 г. была названа «легитимной». Наталкивался я и на утверждения, что «Нанкинская резня» тоже имела меньший размах, и большинство шокирующих фото были пропагандистской подделкой, но этот вопрос нуждается в дополнительном раскрытии.

Такие изменения в государственном мифе, наиболее явно проявляющиеся в периодическом издании школьных учебников с новой трактовкой Второй мировой, естественно, встречают бурные протесты со стороны Китая и Кореи, где японское иго со всеми его прелестями как период великих испытаний является важной частью их государственных мифов. Так, например, сказать что-либо о позитивном влиянии Японии на Корею во время колониального господства для корейского историка равносильно научному самоубийству. Например, южнокорейский политолог Хан Сын Чжо был уволен практически со всех занимаемых им постов и подвергнут общественному остракизму за высказывание о том, что если бы Япония не захватила Корею, это сделала бы Россия, и тогда «мы все жили бы, как в КНДР». В этом пассаже усмотрели позитивное отношение к японской аннексии. Несмотря на то, что профессор Хан входил в первую пятерку южнокорейских политологов, общество ему такое не простило.

Вторая «война за историю» идет между Китаем и Кореей и касается принадлежности государства Когурё, которое располагалось как на территории Кореи, так и в Китае (в частности, захватывая весь Ляодун). Ее стоит рассмотреть как следствие противоречия двух политик. С одной стороны, провозглашенное еще Ким Ён Самом восприятие глобализации как процесса воссоединения Кореи с ее диаспорой и связанная с этим политика, направленная на пробуждение в корейской диаспоре национального самосознания — «Неважно, в какой стране ты живешь. Главное – ты кореец». С другой — помня опыт развала российских национальных окраин (не забудем развитие национального самосознания у китайских мусульман и тех планов, которые лелеют в их отношении радикальные международные исламисты), Пекин стремится проводить политику интернационализма и воспитания патриотизма, как лояльности по отношению к стране проживания: «Неважно, кто ты по национальности. Главное – ты гражданин КНР». В рамках этой практики история государств, располагавшихся на современной территории КНР, конечно, изучается как история Китая, однако его попытки представить историю этого региона как только китайскую противоречат исторической правде.

Однако социальный заказ на миф далеко не всегда направлен «против старого государства». В этом смысле очень характерно «евразийство», — от ранних выкладок Гумилева и Сулейменова до выкладок последних лет некоторых ученых, близких к региональной элите, условно говоря, тюркоязычных регионов России (Татарстан и т. п.). Не стремясь противопоставить свою традицию общероссийской, не являясь националистами в полемическом смысле слова и не пытаясь говорить о существовании своего региона вне России, они создают миф, согласно которому исторические корни государства Российского являют собой симбиоз славянской и «татарской» традиций. В таком контексте Сулейменов говорил о двуязычии «Слова о полку Игореве», Гумилев – о той роли, которую сыграли монголы в формировании Руси, и тп.

Третья война за историю ведется внутри самой Южной Кореи и началась после того, как к власти в этой стране пришли консерваторы. Это попытки власти (причем, как ни странно, не только министерства образования, но и министерства обороны) заткнуть рот историкам. Дело в том, что при Ким Дэ Чжунге и Но Му Хёне были открыты архивы, и некоторые темы перестали быть запретными. Молодые историки преимущественно левых взглядов обработали ж значительный массив документов, свидетельствующих о том, что и Север был не так ужасен, как это описывалось ранее в официальной пропаганде, и в истории Юга много темных и кровавых мест, особенно в правление Ли Сын Мана и Пак Чжон Хи. Стали известны очень неприятные факты из истории подавления восстания на острове Чечжудо, а специальная комиссия с участием таких ученых, как Чон Хён Су, изучавшая сравнительные размеры «красного» и «белого» террора во время корейской войны и перед ней, пришла к

неожиданному выводу: число жертв «белых» (особенно жертв внесудебных расправ) превосходило число жертв «красных» почти вдвое. Более того, «корейская Катынь» около Тэчжона, которая ранее считалась одним из наиболее ярких свидетельств зверств северян на оккупированных территориях, оказалась продуктом деятельности Юга. В целом, фактов достаточно, чтобы разрушить большинство традиционных мифов новейшей истории РК или хотя бы продемонстрировать, что то, в чем обвиняли Север, практиковали и на Юге. Так, в журнале «Вольган Чосон» (№ 4, 2006, с. 183-192) были опубликованы воспоминания сотрудника спецслужб, в которых он признался в том, что похищал людей на Севере.

Консерваторы попытались объявить эти исследования политически ангажированными, но, не имея возможности победить оппонентов в научной дискуссии (слишком велик оказался массив приведенных фактов), применили административный ресурс по полной программе. На защиту левых историков выступили их западные коллеги и, похоже, в научной среде начинает разворачиваться серьезная кампания.

Нечто подобное, по сути дела, происходит сейчас в войне за историю между Россией и Украиной. Украинская государственность – явление чрезвычайно новое и потому очень сильно нуждающееся в историческом обосновании. И естественно, что те историки-пропагандисты, которые считают себя патриотами Украины, пытаются создать новый государственный миф, многие элементы которого существенно противоречат трактовке исторических событий, принятые в СССР, а затем – в России. При этом строители мифа считают себя не разрушителями существовавших до того мифов (в которых Великой Украинской Державы не было), а патриотами-созидателями мифа, в котором такая держава есть, и, более того, всегда была.

Вообще, у каждого малого государства, образовавшегося на постсоветском пространстве, рано или поздно возникает нужда в государственном мифе. Любая страна должна иметь государственную идеологию, и маленькой стране, которая находится в процессе становления, она нужна особенно. Кроме того, новая идеология должна подчеркивать ее самостоятельность, желательно – «извечную».

Но чем сложнее внешне- и внутривнутриполитическое положение такой страны, тем более ей необходим официальный ответ на вопрос, кто виноват в том, что «нам так плохо». Обвинить в этом «прежних хозяев» — самый простой и пропагандистски выгодный ход, особенно если государственная идеология в той или иной мере строится на национализме титульной нации, который, опять-таки, логично обратить против России. Понятно, что на эту тенденцию влияет целый ряд разных факторов, — от экономических связей между Россией и этой страной (точнее, от уровня ее экономической зависимости от России) до «теней исторического прошлого». Однако проблема именно в том, что «кляты москалям» становятся главным врагом не в силу особенной ненависти к москалям, а в силу того, что они наилучшим

образом вписываются в этот образ «черного зеркала», в противостоянии с которым выкристаллизовывается собственный государственный миф. Так что антирусские настроения в историографии малых стран, появившихся на постсоветском пространстве, имеют достаточно простую идеологическую причину.

Конечно, что мифы «о враге» довольно часто имеют под собой определенную основу. Иное дело, что взаимная демонизация, положенная на исторический контекст, делает врага «извечным и постоянным». Более того, демонизация нередко вызывает ответную демонизацию, в результате которой запутанный и сложный исторический прецедент разбирают уже не столько историки, сколько пропагандисты.

Здесь надо сделать важное отступление о том, чем подход пропагандиста отличается от подхода историка. Историк отличается от пропагандиста тем, что его основная задача – выяснить, как все было на самом деле, и собрать максимально полную картину исторического события. Пропагандист же обязан защитить определенную точку зрения и потому использует только те факты, которые можно уложить в его концепцию. Историк может выступать в роли пропагандиста, но у пропагандиста крайне редко получается выступать в роли историка.

Для пропагандиста характерна двойственная логика. Если это не белое, оно «черное». Если кто-то не согласен с утверждением А, он автоматически считается согласным с утверждением Б. Для настоящего историка характерна недвойственная логика, в рамках которой кроме белого и черного есть и другие цвета, и полутона.

Порочность двойственной логики хорошо иллюстрирует известный греческий софизм: Эпименид, критянин, сказал: «все критяне – лжецы». Однако, если все критяне – лжецы, значит и он сам лжец. А если он лжец, то его высказывание о том, что «все критяне – лжецы» — неправда. Значит, все критяне правдивы. Но это означает, что правдив и Эпименид. Следовательно, «все критяне – лжецы» — правда. Если так, то поскольку Эпименид – критянин, он тоже лжец... И так далее.

Если же действовать не в рамках двойственной логики, когда правдивы либо все, либо никто, то отрицанием высказывания «Все критяне — лжецы» является «Не все критяне лжецы», и порочный круг, построенный именно на излишней склонности к обобщениям и противоположностям, размыкается.

Заметим, что двойственная логика отличает любую пропаганду, и потому, анализируя причины появления ревизионистов, мы начнем именно с протестной реакции на формальные догмы.

Ревизионизм и чувство протеста

Неосознанный ревизионизм происходит из желания разобраться, не подкрепленного достаточным уровнем профессионализма (об этом, особенно

о том, на какие грабли наступают дилетанты, будет отдельный раздел), а также протестной реакции, с разбора которой мы и начнем.

Так как прошлое выступает для настоящего в качестве источника легитимности, и потому «правильное» представление истории или составление летописи, призванной закрепить на века государственную точку зрения, весьма характерно: существует однозначная и обычно лишённая полутонов государственная трактовка истории, обсуждение и критика которой, мягко говоря, нежелательны. При всем внимании и уважении к истории сведения о ней насаждаются в строго определенном объеме и под заданным углом зрения. Неприятные для официальной точки зрения моменты истории или удаляются из учебников, или присутствуют в курсе истории в минимально раскрытом объеме.

Такое отношение к истории и этнографии означает не поддержание интереса к истории вообще, а внимание к конкретным периодам или событиям, носящим характер образцов для подражания.

Сделаем важное замечание относительно соответствия мифа исторической правде в принципе. Миф должен создавать красивую картинку, не вызывающую на первый взгляд явных возражений с точки зрения логики и видимой реалистичности. В этом смысле очень показательна статья Шведова про осаду Кумарского острога. Пафосный рассказ о том, как небольшая группа казаков в наспех построенном укреплении разгромила 10 000 отборных маньчжурских воинов при 15-ти орудиях (по мнению автора, это событие достойно сравнения со Сталинградской битвой и сражением при Фермопилах) выглядит как красивая патриотическая сказка, в которую легко поверить. Хотя результат более внимательного анализа напоминает концовку одного из анекдотов армянского радио: «В принципе все верно, однако не Сундукян, а Иванов; не в Москве, а в Ереване; не в лотерею, а в карты; и не выиграл, а проиграл».

Однако для не владеющей вопросом или не умеющей/не желающей проанализировать ситуацию аудитории он не имеет внешних недочетов, и человек, который не знает, как это было на самом деле (острог представлял собой очень серьезную крепость; маньчжуров было существенно меньше и это были отнюдь не отборные войска; 15 орудий на деле оказались фальконетами, абсолютно непригодными для разрушения укреплений; битва была не битвой, а неудачной попыткой осады и т. д.), получает картинку, в которой он не видит тех логических противоречий, которые бы заставили его усомниться в истинности мифа как такового.

Отсюда возникает проблема — государственный миф и научное знание истории могут противоречить друг другу. Не расходится в отдельных фактах или оценках, а реально и круто противоречить. Более того, бывает так, что миф оказывается противоречив внутренне и тогда он крайне уязвим для рационального анализа.

Мы уже говорили о том, что ревизионизм возникает в ситуации, когда господствующая идеология начинает подвергаться сомнению и терять

авторитет. Это может случиться как благодаря изменению международной обстановки, так и из-за того, что новое поколение относится к старым ценностям как бы более критично. Между тем, старые государственные мифы по-прежнему вбиваются в массовое сознание, и в умах оппозиционно настроенных людей возникает недоверие к официальной трактовке истории хотя бы в силу того, что запрет на обсуждение государственных мифов выглядит подозрительным. Так возникает желание разобраться в том, что же происходило на самом деле. При этом отношение будущего ревизиониста к официальной трактовке уже подсознательно отрицательное.

Определенным примером такого подхода являются не только попытки «историков-немарксистов» создать концепцию, альтернативную корпусу истории СССР, как она преподавалась в советский период, но и в попытках пересмотреть (или, выражаясь их языком, «более внимательно разобраться») итоги Второй мировой войны, закрепленные, в частности, в документах Нюрнбергского процесса. Заметим, что те, кто занялся этим делом, ставят своей целью не столько оправдание нацизма как идеологии или нацистов как преступников, сколько пытаются снять те элементы обвинения, которые выглядят как «правосудие победителей».

Дело тут в том, что Нюрнбергский процесс был процессом над личностями, но не над идеологией. Осудив часть представителей верхушки рейха и признав преступными сообществами некоторые созданные им структуры, он не завершился официальным осуждением национал-социализма как системы идей. Кроме того, идея устроить суд была правильной сама по себе, но неверной в деталях. Во-первых, были некоторые моменты, которые в ходе следствия хотелось бы скрыть (например, то, что Советский Союз и Антанта испытывали желание использовать рейх как средство разборки со своими политическими противниками). А во-вторых, как и в большинстве заказных процессов, не обошлось без фальсификаций и передергивания, тем более что тогда обвинители были уверены в том, что на фоне преступлений нацизма их собственного подлога не заметят, и не предполагали того, что к процессуальным аспектам кто-то когда-то может предъявлять претензии. Между тем, когда прошло время, страсти улеглись, новое поколение рассматривало вторую мировую войну уже не глазами погибших на ней родственников, и грубость, с которой был навязан новый послевоенный порядок, начала обращать на себя внимание.

(Кстати: Честно говоря, повышенное внимание к холокосту тоже отчасти было связано с тем, что на Нюрнбергском процессе надо было инкриминировать Германии то, что адвокаты немецкой стороны не могли бы «списать на общий контекст войны», указав на то, что подобные военные преступления совершались в ходе Второй мировой всеми. Концлагеря? Вспомним хотя бы концлагеря для японцев в США, то, кто вообще придумал это явление, да и в целом практика концентрационных лагерей для военнопленных и гражданских лиц не воспринималась как преступление настолько тяжелое, каким оно стало казаться ближе к концу XX в.

Намеренные бомбардировки мирного населения? А что делали союзники в отношении немецких и особенно японских городов? Но создание лагерей уничтожения, где заключенных именно убивали, и попытку уничтожить целые народы по расовому признаку действительно можно было вменить только одной стороне. Именно поэтому к холокосту и уничтожению евреев было привлечено особое внимание. Без педалирования этого вопроса Германия выглядела бы просто побежденной страной, а не поверженным Злом. Это вызвало к жизни те перекосы, на которых сегодня спекулируют «отрицатели»).

Итак, факт, что некоторые частные моменты этого процесса, безусловно, нуждаются в пересмотре, послужил основой для попыток ревизионистов пересмотреть его общие итоги. Тенденция эта встречается и в других ревизионистских традициях и имеет весьма важное следствие — альтернативная трактовка события почти всегда рассматривается как диаметрально противоположная принятой. На это работает даже клише: словосочетание «XXX: мифы и реальность» как бы закладывает в восприятие представление о том, что мифологическая трактовка события противоположна реалистичной.

Следствий подобного принципа в историческом ревизионизме два. Первое заключается в том, что уставшему от навязанной государственным мифом официальной трактовки события человеку значительно проще предпочесть из альтернативных версий ту, которая в наибольшей степени НЕ похожа на официоз: «Если всё было не так, значит — не так было всё». При этом определенное неприятие навязанного официоза заставляет воспринимать альтернативную информацию с меньшей степенью критицизма, порождая тот самый «синдром самиздата», когда подпольной оппозиционной информации, не менее ангажированной, чем официоз, безоговорочно верят именно в силу ее оппозиционности и подпольности.

Второе следствие заключается в том, что попытка пересмотреть канон немедленно воспринимается сторонниками традиционной версии как попытка его тотального, кардинального пересмотра, а не уточнение истины по отдельным вопросам, по которым объективная реальность отличается от мифологической трактовки события. Это порождает дополнительную волну предвзятости уже по отношению к ревизионистам, «критику критики» и целый ряд иных препятствий, которые затрудняют конструктивность диалога.

Ревизионисты и историческое сообщество

Надо отметить еще одну вещь — исторические мифы, как официальные, так и «оппозиционные», направлены не на профессионального историка или политолога, который и так прекрасно знает, «как оно было на самом деле», а на «массового читателя». Это очень хорошо видно по тому, для кого пишут свои книги Резун и Ко: их аудитория состоит из людей, не

занимающихся историей профессионально, но испытывающих к ней интерес и при этом уже не удовлетворенных официальными объяснениями.

Большинство ревизионистов очень хорошо представляет себе, что возмущение небольшой группы профессионалов не будет иметь для них серьезные последствия. Во-первых, как я уже говорил, их аудитория – массы. Во-вторых, поскольку целый ряд книг ревизионистов написан так, что на одну строчку их текста потребуются 2–3 строчки опровержения, мало кто возьмется за такую тяжелую и не очень благодарную работу. В-третьих, из не поленившихся аккуратно и вдумчиво раскритиковать их точку зрения еще меньшее количество сумеет пробиться в средства массовой информации и сделать свою критику общедоступной.

На данный момент, в условиях нынешнего состояния науки и ее финансовых возможностей обеспечить равный поднятому ревизионистами уровень информационного шума практически невозможно. Дело тут не только в нищете науки, из-за которой работы ревизионистов выходят в популярных издательствах массовыми тиражами, а научные публикации могут насчитывать 100-200 экз., которые разойдутся в среде профессионалов, которые и без них знают, что Фоменко – шарлатан. Для руководителя среднего популярного издательства, озабоченного, в первую очередь, получением прибыли от продаж и лишеного института цензуры (либо просто не обладающего профессиональной компетентностью в затронутом вопросе) ревизионист, способный клепать два-три бестселлера в год, является кладом. И чем больше дохода издателю приносят его труды, тем меньше его желание прежде посылать эти труды на рецензию до их публикации. Академические же авторы, как правило, работают медленнее, а их тексты лишены достаточного оживляжа или скандальной привлекательности, которые могли бы обеспечить быструю реализацию их опусов. Кроме того, как правило, они публикуются не в массовых, а в специальных научных изданиях, что имеет больший академический вес. Я не раз сталкивался с ситуацией, когда публикация специалиста в массовом издании вызвала в академических кругах скорее неодобрение и расценивалась как поиск длинного рубля или дешевой славы.

Добавим к этому и политику издательства, направленную на такой выбор заголовка и содержания аннотации, который рассчитан на завлечение непритязательного читателя. Как заявил мне один из моих знакомых, занятых в издательском бизнесе, для того, чтобы хорошо продаваться, моя гипотетическая книга о Корейской войне должна иметь заголовки в стиле «Окровавленная свежесть» и аннотацию, написанную в традициях желтой прессы. Понятно, что увидев книгу с таким заголовком, нормальный историк или ученый побрезгует даже взять ее в руки, логично предполагая, что ее содержание соответствует такому оформлению.

Свою роль играет и «читабельность». Даже в беллетристике текст, написанный более живым или разговорным языком, воспринимается читателем лучше, чем мемуары генералов, которые, во-первых, очень часто

написаны достаточно суконным языком, а во-вторых, изобилуют такими подробностями, которые сами генералы считают очень важными, однако массовому читателю они кажутся или излишне детализированными подробностями, или описанием той внутренней кухни, которая интересна только профессионалам.

Запаздывающая реакция научных кругов на появление очередного ревизиониста связана и с определенным «академическим снобизмом». Во-первых, ученым кажется, что если некомпетентность автора так очевидна им, то массы тоже должны понимать беспочвенность новоявленной теории. Во-вторых, вступать в дискуссию с таким ревизионистом значит относиться к нему, как к равному, а это – ниже достоинства солидного ученого. В результате «стратегическая инициатива» оказывается упущенной. В итоге критикой Резуна, финалом которой стал выход нескольких книг, громящих его выкладки, тоже во многом занялись не столько профессиональные историки, имеющие прямое отношение к академическим структурам, сколько энтузиасты, у которых протестная реакция возникла уже на ревизионизм.

В нашей стране этот процесс подстегивается еще и определенным негативным отношением к власти, особенно – к власти прошлой. Привыкнув воспринимать официальную пропаганду как вранье, массы относятся к ревизионистам как к лицам, доносящим до них «правду». Срабатывает «казус диссидента»: если плохая власть преследует гражданина X, называя его шарлатаном и лжеученым, значит, он и есть настоящий ученый, несущий свет истины. И вообще, «сегодня не 37 год, и каждый имеет право на свою точку зрения».

Дело также и в том, что в ситуации, когда государственный миф уже давно не встречает аргументированной критики, официальная наука также начинает воспринимать его положения как аксиомы, которые не нуждаются в дополнительной аргументации. А это значит, что, считая свое положение прочным, официоз не озаботился обеспечением аргументированной «критики критиков».

Кроме того, табуирование определенных тем (например, сотрудничество с немецкими оккупантами во время Великой Отечественной войны) и неформальный запрет на их исследование привели к тому, что наши официальные историки перестали в них ориентироваться и в диспутах с ревизионистами иногда у них просто не оказывалось аргументов или фактов.

Конечно, запретить проще, чем проанализировать и грамотно раскритиковать. Чтобы победить врага, нужно знать его оружие. И несмотря на то, что для российской истории гитлеризм играет и будет играть роль абсолютного зла, это не значит, что мы не должны внимательно изучать его наследие как с точки зрения организации режима, так и с точки зрения приемов пропаганды.

Узловые моменты пересмотра истории

Посмотрим повнимательнее, какие именно мифы создаются или пересматриваются.

Во-первых, это миф об исключительной древности этноса, касающийся «удлинения истории», когда государству или этносу приписываются древние корни, доказать которые, мягко говоря, сложно. Российский миф ввиду достаточной древности нашей страны не включал в себя посылок такого рода (попытки приравнять скифов к древним славянам были эпизодическими и не входили в официальную советскую парадигму), и наиболее емким примером выстраивания данного мифа является корейский миф о Тангуне, в рамках которого южнокорейские историки-националисты умудрялись находить даже имена его полководцев или тексты боевых песен того времени.

Другим вариантом того же мифотворчества являются «исследования» Г. А. Югая, который в нескольких своих книгах отнес корейцев к ариям. Дальнейшие исследования этого автора вообще приравнивали корейцев к скифам и киммерийцам, что напоминает радикальные варианты экзерсисов подобного рода, предпринятые одним из южнокорейских пасторов, сделавшим смелое предположение о том, что корейцы являются не кем иным, как потерянными «коленом Вениаминовым». Можно вспомнить и Чхве Намсона, который еще в начале XX века пытался объявить Корею колыбелью мировой цивилизации и родиной солярного мифа, и «доказанное корейское происхождение Чингис-хана», и работы Чон Ён Гю, у которого корейцы являются предками шумеров и народом, основавшим мировую цивилизацию, в том числе – и месоамериканскую. Правда, в отличие от выкладок Г. Югая, у Чона прародина корейцев находится на Памире, а не в Арктике.

Сюда же можно отнести и попытки чеченской пропаганды возвести родословную своего народа к древним шумерам, и высказывания о киевской Руси как великой украинской державе или о том, что «одним из главных итогов передела мира после Второй мировой войны было окончательное воссоединение украинских земель, которые вроде бы встречались в официальных учебниках истории.

Ревизионисты-маргиналы развивают эту тему еще более улетно. Превое, что приходит в голову — «украинцы произошли от древних укров», которые жили 140 тыс. лет назад, и, таким образом, были предками неандертальцев.

Впрочем, радикальные украинские националисты – это, действительно, отдельная песня. Понятно, что в националистической среде всегда найдется место экстремалам, но надо было обладать выдающимся полетом националистической фантазии для того, чтобы, следуя версии писателя Ивана Билыка, объявить Атиллу «гетманом Богданом Гатило (от украинского глагола «гатити», то есть «наводить мосты»), много сделавшим для

распространения древнеукраинской культуры на Западе», или, согласно «Украинскому мифологическому словарю» середины 1990-х, объявить этноним «Галилея» происходящим от слова «Галичина» и на основании этого представить древних украинцев потомками филистимлян, изгнанных злобными евреями с их исторической родины. Лично мне там более всего понравилось «самурай» как «сам-Орай» — воин, который сам ходит за плугом и одновременно охраняет границу, иначе говоря, заимствованный в Японию украинский козак.

Хотя их российские коллеги не менее одиозны. Среди них и Кандыба, у которого Сион превратился в «Сиян-гору» как исторический храм древних русичей. Сюда же — попытки некоторых иных русских националистов объявить египетские пирамиды погребальными курганами древних славян, или попытки авторов «Велесовой Книги» превратить славян в прямых потомков древних ариев. Здесь же и Чудинов, который в любом наборе трещин способен увидеть «древнерусские руны», и Задорнов, чьи лингвистические эксперименты на темы происхождения и значения, например, слов «Европа», «тусовка» и «срать», в течение длительного времени воспринимались как приколы или вариант его деятельности в качестве юмориста.

За пределами СНГ с ними может сравниться разве что корейский пастор Ли Бён Док, который доказал избранность корейского народа благодаря тому, что японское название Кореи — «Чосэн» в написании латиницей пишется как английское слово «избранный».

Конечно, не следует приравнивать высказывания подобных радикалов к официальной позиции государства, ибо лагерь ревизионистов далеко не так един, как это может показаться их противникам. Те же последователи Фоменко, несмотря на общую методологию исследований, разбиты на группы, чьи трактовки нашей истории кардинально отличаются друг от друга (для одних Батый и Александр Невский — одно и то же лицо, для других татарами оказываются захватившие Русь крестоносцы, чья ставка была в Татрах) и ведут между собой очень жесткую борьбу.

С мифом о древней истории обычно соседствует **миф об извечной чистоте крови**. Данный народ всегда был именно таким, каков он сейчас, минимально подвергаясь внешнему воздействию как с генетической, так и с культурной точки зрения. В этом смысле очень забавно следить за некоторыми выкладками украинских националистов, которые утверждают, что именно они сохранили свои славянские корни в наибольшей чистоте, в то время как русский народ смешал свою кровь сначала с финно-уграми, а потом — с монголами, и русский литературный язык является искаженным в самое что ни на есть последнее время вариантом украинского. Заметим, что в ответ на этот миф скоро появилось «черное зеркало» — это украинцы не имеют в себе ничего славянского, и вообще, данный термин был разработан в Австро-Венгрии для того, чтобы отделить «своих».

Для корейского национализма характерны две тенденции в отношении прародины корейцев, которые несколько противоречат друг другу. С одной стороны, это желание доказать, что корейцы издревле присутствовали на полуострове, с другой – корейскому этносу приписывали распространенность на большей территории, что могло вылиться в предположение о том, что на полуостров древние корейцы пришли извне, с некоей мистической прародины.

Теперь рассмотрим разновидности **мифа о былом величии**. Эти мифы о том, какими мы были могучими и великими в древности, но коварные враги лишили нас доблести и славы (а вдобавок уничтожили все исторические источники, которые об этом рассказывали), хорошо мне знакомы и по Корее, и по Украине. В обоих случаях некоторая исторически обусловленная несамодостаточность во внешней политике отчасти компенсировалась взлетом националистических настроений.

«Униженное настоящее» стремятся компенсировать выдающимся прошлым, начиная от раздувания тех моментов корейской истории, когда маленькая Корея смогла взять верх над большими соседями (Китаем или Японией), до активного педалирования корейского вклада в мировую культуру: о наборном металлическом шрифте, дождемере и кобуксоне знает каждый кореец. А, наблюдая тенденцию связывать с именем Тангуна все больше событий из культурной корейской истории, Майкл Брин с усмешкой замечает, что при таких темпах через 200 лет будут найдены древние тексты, доказывающие, что Тангун изобрел баскетбол.

К сожалению, при этом многие проявления национализма, направленные не столько на то, чтобы найти, отстоять и сберечь национальные корни, сколько на то, чтобы «сравняться» по историческим заслугам с могучими соседями, начинают принимать форму «мелкодержавного шовинизма», который наиболее раздражает интеллектуальную часть историков и журналистов и нередко вызывает реакцию, прямо противоположную ожидаемой.

Тут вспоминается не столько неудачная попытка ввести копирайт на слово «сало», сколько корейские высказывания об особой любви к ребенку, из-за которой корейская мать носит его на спине (не то, что западная женщина, равнодушно заталкивающая свое чадо подальше в коляску, с глаз долой); о превосходстве заклеенных бумагой окон над окнами застекленными (оказывается, предки заклеивали окна бумагой намеренно, чтобы создать интимный полумрак, которого не может быть в банально светлой западной комнате); о выдающейся калорийности и полезности «обезжиренной» корейской кухни и тп. Пропаганда эта ведется весьма агрессивно и достаточна примитивно. Характерные примеры – цитата из рекламной листовки, представляющей иностранцам коллекцию современной корейской керамики: *«Как известно, наша великая керамика имеет 1000-летние традиции. Поэтому с нашей коллекцией ни в какое сравнение не идет*

известная французская (так в тексте!) картина «Мона Лиза», имеющая всего лишь 400-летнюю историю».

Важным элементом общегосударственного мифа являются **мифы о великих победах**, одержанных страной над внешними врагами, или о том, как «нас никто никогда не мог победить». Тут стоит вспомнить чеченский миф о том, как одновременно с войной со шведами Петр I бросил на Кавказ 60-тысячную армию под командованием полковника (!), которая вся до последнего человека погибла в горах.

Чрезвычайно важен и близок к этому мифу **миф о Великом Испытании**, который призван как продемонстрировать выдающиеся качества народа, так и ответить на вопрос, почему мы не находимся в том идеальном положении, которого всем хочется. Как правило, это испытание связано с желанием внешнего врага полностью истребить народ/нацию/государство.

В этом смысле евреям и армянам «повезло». Они действительно были объектом геноцида, являвшегося частью государственной политики нацистской Германии и Турции периода младотурок. Имеют право говорить о подобном и корейцы, которых на фоне создания Великой Восточно-азиатской Сферы Сопроцветания японцы не уничтожали физически, но действительно пытались уничтожить как этнос, полностью ассимилировав и лишив национальной самоидентификации. Хотя во всех трех случаях реальная картинка несколько отличается от мифологической, миф здесь, как правило, лишь сгущает действительность.

Именно поэтому мое сильное неприятие вызывает тенденция, связанная со стремлением ряда историков из числа советских корейцев (Владимир Ли и Светлана Нам — наиболее яркие примеры) спекулировать на событиях 1935–1937 гг., превращая депортацию советских корейцев из Приморья в событие, равнозначное еврейскому холокосту. Понятно, что на фоне «развенчания проклятого советского прошлого» эти взгляды имеют значительный успех, а попытка выступить с их критикой трактуется как отрицание самого факта депортации и оправдание сталинского режима вообще.

Между тем, при анализе событий депортации нужно помнить о следующем. Во-первых, доказательства планов Сталина уничтожить корейский народ по еврейскому или цыганскому образцу и сговора между Москвой и Токио по этому вопросу существуют исключительно в головах тех, кто отстаивает эту точку зрения. Во-вторых, если сравнить организацию процесса депортации корейцев и то, что делали потом с иными перемещаемыми народами, можно отметить, что корейцы оказались в наилучшем положении с точки зрения качества переезда или особенностей расселения и проживания на новом месте (во всяком случае, со всеми остальными поступали гораздо жестче). В-третьих, репрессиям подверглись только корейцы Приморья и члены Корейской секции Коминтерна, а не все корейцы вообще. В-четвертых, мы вынуждены принять к сведению то, что

внутренние интриги в среде корейского землячества на Дальнем Востоке, нашедшие свое воплощение в массовых доносах друг на друга, вполне могли сыграть роль катализатора, подстегнув некомпетентные в особенностях корейской национальной психологии московские власти к радикальному решению вопроса, продиктованному и сложной международной обстановкой на Дальнем Востоке.

Несколько иная ситуация с украинским мифом «о голодоморе». Реальные события 1932–1933 гг., во время которых действительно погибло много людей, пытаются представить как проявление советской государственной политики, направленной на физическое уничтожение украинского народа или, как минимум, украинского села. Факт «осознанности» подобной политики при этом, правда, не доказан, а то, что голод в эти годы свирепствовал не только на Украине, как бы забывается.

По украинским националистам хорошо виден и миф, который можно условно назвать как «Мы вас всех кормили». Всё процветание России, а затем — СССР объясняется заслугами не только Украины как житницы, но и этнических украинцев вообще. Так, например, именно они осваивали Сибирь и Дальний Восток. Вложения же Центра в развитие Украины объясняются тем, что «они строили на нашей земле заводы и железные дороги для того лишь, чтобы перерабатывать и вывозить наши богатства». Собственно, и голодомор они объясняют необходимостью одновременно выкачать из региона все ресурсы (индустриализация СССР, по их мнению, тоже оплачена кровью украинского села) и физически уничтожить ту часть народа, которая могла этому сопротивляться. Замечу, что почти теми же словами «отбиваются» корейские националисты, когда им пытаются напомнить о том, как много сил и средств японцы вложили в освоение Корейского полуострова. Злую волю японцев, наоборот, стараются искать во всем, их обвиняют в том, что благодаря их политике ассимиляции Корея безвозвратно утратила большую часть достижений национальной культуры. Даже написание слова «Корея» с буквы «К» объясняется тем, что японцы специально навязали миру написание через «К», а не через «С», с тем, чтобы при перечислении стран в алфавитном порядке Япония шла раньше.

Вообще, **миф о Враге**, стараниями которого прежде великая держава влачит незавидное существование, является практически универсальной «отмазкой». Дело в том, что с психологической точки зрения неудачи значительно проще объяснять не собственными ошибками или противодействием, которое тебе оказывает «безликий мир», а кознями какого-то определенного врага, после победы над которым все проблемы сгинут и наступит долгожданное процветание.

Понятно, что в современном националистическом мифе эта роль достаточно прочно утвердилась за последними по времени «угнетателями». У украинцев это москаль, у корейцев — японцы, у радикальных ревизионистов Запада, — мировое еврейское лобби, которое раздуло миф о холокосте для обеспечения идеологической основы государства Израиль.

Приёмы манипуляции и фальсификации истории

Перейдем теперь к более конкретным вещам, попытавшись систематизировать тот аппарат передергиваний, который осознанно или неосознанно используется ревизионистами в доказательство своих теорий, а также во время ведения ими дискуссий с оппонентами.

Заметим, что ревизионист вполне может представлять себе весь комплекс механизмов искажения истории... Это очень хорошо видно по работам Буровского, который в своих книгах не раз проходится по «народной истории» и анализирует те приемы, которыми пользуются ее апологеты. Это создает впечатление, что он – автор объективный и беспристрастный. И то, что сам Буровский преспокойно и разнообразно пользуется теми же штучками для доказательства собственных теорий, остается незамеченным и сходит ему с рук.

Приемы некорректной дискуссии могут быть разбиты на несколько групп: Так как правильные логически выводы на базе неверных посылок или исходных материалов являются наиболее распространенной ошибкой, то вначале мы разберемся с тем, как ревизионисты «обрабатывают» факты. Затем мы рассмотрим их приемы работы со свидетельствами и источниками, обратив особое внимание на систему ссылок. Затем последует раздел, посвященный ошибкам или передергиваниям в доказательном аппарате, психологическому воздействию на читателя воздействию и, наконец, мы проанализируем основные приемы работы с критиками и некоторые методы ведения дискуссии вообще.

Операции с фактами и азы пристрастного подбора

Принято считать, что факты являются упрямой вещью, но это несколько не так. Наиболее действенным типом лжи является полуправда, и не случайно «идеальная фальсификация» как правило, представляет собой набор пристрастно подобранных и вырванных из контекста совершенно реальных фактов. Делается это весьма разнообразными способами.

Сопоставляя факты, мы всегда должны помнить, что (это очень важная мысль и не случайно она повторяется в этом тексте несколько раз) каждый новый факт не исключает предыдущий, а дополняет картину. То, что «русские солдаты изнасиловали немецкую девушку», не вычеркивает из истории того, что «те же солдаты вытащили из-под завалов и накормили ее младшего брата».

Если представить себе россыпь фактов как кучу элементов головоломки/паззла, то к уже существующим неистинным (хотя и включающим множество истинных деталей) картинкам ревизионист добавляет новую, не менее ложную (хотя часто включающую истинные детали, отсутствующие в других паззлах). То, что в его картинке встречаются неиспользованные другими детали, при этом не значит, что при

выстраивании своего мифа он использовал больше правильных элементов, чем его противники.

К тому же, проблема ревизионистов достаточно часто заключается именно в том, что, будучи дилетантами, они не знают, где и как искать новые факты, и их точка зрения в основном сводится к собственной интерпретации уже известного.

Вырывание факта из исторического контекста,

... в рамках которого он рассматривается в отрыве от событий, происходящих впоследствии или одновременно с ним. Так, существует миф о том, что Гитлер чудовищно обращался с советскими военнопленными потому, что СССР не подписал Женевскую конвенцию 1929 года об обращении с военнопленными.

Полуправда здесь в том, что в 29 году СССР действительно ничего не подписывал. Однако 19 марта 1931г. ЦИК и СНК СССР было утверждено внутригосударственное «Положение о военнопленных», которое почти полностью совпадало с текстом Женевской конвенции о содержании военнопленных 1929 года. Получается, что полностью конвенцию СССР не подписывал, а придерживаться, — придерживался, имея внутренний документ о гуманном отношении к пленным. Германия же Женевскую конвенцию подписала и была обязана соблюдать ее, вне зависимости от того, придерживался ли СССР вообще каких-либо соглашений. Этого требуют нормы самой конвенции. (речь идет о ситуации де-юре: о том, что было де-факто, говорят уже не столько факт подписания, сколько документы и свидетельства о содержании пленных, обращении с ними и т.д).

Другой пример: выказывая совершенно верное утверждение о том, что за время Советского Союза на территории Украины было шесть случаев голода, приверженцы новоукраинского государственного мифа не упоминают ни о том, что в большинстве случаев голод был не только на Украине, ни о том, как часто голодал регион ранее. В результате данного умолчания складывается впечатление о том, что Украина голодала только в советское время.

Рассмотрение факта вне контекста присутствует и при анализе пакта Молотова-Риббентропа. Заостряя на нем особенное внимание, наши историки забывают не только о Мюнхенском сговоре, но и о советско-англо-французских переговорах, которые предшествовали этому «сближению» СССР и Германии.

Перед Второй мировой войной на карте мира было три блока, которые равно ненавидели друг друга, но, понимая неизбежность военного столкновения, стремились натравить своих противников друг на друга с тем, чтобы ввязаться в войну последними и оказаться в выигрыше. Мюнхенский сговор между Антантой и Германией был направлен на то, чтобы ориентировать Гитлера на восток. Попытки Советского Союза «заступиться»

за Чехословакию были остановлены «невмешательством» Франции и позицией Польши, которая, заметим, не только отказалась пропустить наши войска, но и урвала себе кусок чешской территории. Сталин понимал, что на данный момент страна к войне не готова, и намеревался выиграть время. Так как Гитлер казался большим злом, была предпринята попытка договориться с союзниками, однако (не буду вдаваться в подробности, они достаточно известны) эта попытка сорвалась. За этим последовал естественный тактический ход – договориться с другими. И Молотов, и Риббентроп прекрасно понимали, что речь идет не о создании альянса, а о временном тактическом союзе, который в преддверии советско-германской войны поможет Германии на время обезопасить себя с востока, чтобы иметь возможность захватить Европу, а Советскому Союзу – осуществить комплекс военных программ, по завершении которых в 1942–1943 гг. страна будет готова к войне.

При заключении таких союзов всегда и с самого начала понятно, что как только одна сторона получает планируемую от него выгоду, она уже не беспокоится о выполнении своих обязательств перед другой стороной. Гитлер добился своих целей первым и разорвал договор, как только он перестал быть ему нужным.

Еще один пример работы с контекстом (а также слабого знания региональной специфики). Изучая историю корейского партизанского движения против японцев в конце 1930-х – начале 1940-х годов, я с интересом выяснил, что многие корейские партизанские командиры, в том числе весьма известные, более напоминали чеченских полевых командиров конца XX в., чем соответствовали классическому образу партизана Великой отечественной войны. Например, они брали «коммерческих заложников», угрожая родственникам прислать им уши или пальцы жертв, если те не заплатят выкуп. Казалось бы, налицо «жареный факт». Однако, копнув глубже, я выяснил, что такая практика была распространена в это время и в этом регионе очень широко. Это делали и китайцы, и корейцы. И правые, и левые. А если копнуть еще глубже, то станет понятно, что, в отличие от советских партизан, у маньчжурских не было «Большой земли», которая поддерживала бы их оружием и продовольствием. Поэтому приходилось искать любые источники снабжения.

Игнорирование определенных обстоятельств или деталей, меняющих восприятие факта

В отличие от предыдущего параграфа, здесь факт не столько выдирается из исторического фона, сколько показан в отрыве от важных деталей географического, технического или историографического плана.

Здесь опять-таки отличился Резун, который как доказательство того, что Гитлер не планировал нападать на СССР, приводит отсутствие в гитлеровской армии плавающих танков. По его мнению, с учетом большого

числа водных преград (150 000 или 40 000, если ограничиться Европейской частью страны), которые немцам пришлось бы преодолевать, танки такого типа были необходимы. Такая посылка заставляет предположить, что все реки Советского Союза (в том числе и мелкие, форсирование которых не сопряжено с особенными трудностями) были непреодолимыми водными преградами, перебраться через которые мог только плавающий танк. Все это сопровождается нудными расчетами сколько рек приходилось на один немецкий танк, после чего выходит, что на это ушло бы в лучшем случае несколько лет, а это, в свою очередь, означает, что Германия к войне была не готова и выиграть ее ни под каким видом не могла. На фоне подобной аргументации тот факт, что большинство рек вражеские танки преодолевали по сохранившимся или наведенным мостам, как бы уходит из поля зрения.

«Игнорирование деталей» очень хорошо видно в статье Шведова, когда он рассуждает о десятитысячной маньчжурской армии. Действительно, такая цифра в исторических данных есть. Однако востоковедам хорошо известно, что в определенной ситуации 10 000 означает, не именно 10 000, а «тьму тьмущую». И хотя меньшая численность вражеского войска подкрепляется и данными о протяженности коммуникаций и особенностях снабжения в регионе (отряд такой численности было невозможно ни перебросить, ни прокормить), Шведов строго придерживается заведомо неверного толкования, что позволяет ему порассуждать о 20-кратном численном превосходстве врага.

Еще один пример «игнорирования обстоятельств» — это высказывание некоторых российских «патриотов» относительно крайней молодости китайской культуры. Среди их аргументов есть даже посылка о том, что Великую китайскую стену построили заключенные при Мао Цзэдуне в рамках масштабной кампании по фальсификации истории, но гораздо больше меня позабавило высказывание Буровского о том, что китайский язык настолько молод, что у него система письменности еще не перешла от пиктографической к алфавитной. То, что языки мира могут иметь различные системы письменности и что переход от картинки к букве далеко не является закономерностью, характерной для развития любой системы письма, и что наличие пиктографического письма не является аргументированным свидетельством молодости культуры, благополучно опущено.

Работа с умолчаниями/недоговоренностью

Этот момент хорошо мне знаком по словесным ролевым играм, когда, описывая комнату, куда входят приключенцы, неопытный мастер уделяет много времени крови на полу и рисункам на стенах, но при этом забывает сказать о размерах комнаты или щелях между плитами, позволяющих предположить наличие ловушки.

Неупоминание тех или иных деталей обычно влечет за собой то, что читающий автоматически заполняет упущенную информацию стандартными

клише. Так, читая предложение «Две армии сошлись...», человек обычно делает вывод о том, что речь идет о двух армиях примерно равной численности и технической оснащенности, которые сошлись на относительно ровном поле битвы.

Похожая ситуация встречается в некоторых книгах по военной истории, когда количество армий и дивизий сторон сравнивают без учета того, что эти армии и дивизии могут иметь разную численность и различное техническое оснащение, из-за чего одна дивизия будет совсем не равноценна другой.

Хороший пример «недоговаривания» есть у Шведова, когда он рассказывает о 15-ти орудиях, которые сопровождали китайское войско, и о трехнедельной бомбардировке, которой оно подвергало острог. «По умолчанию» читатель предполагает, что речь идет о приличествующих ситуации осадных орудиях, а бомбардировка означает интенсивный обстрел. Однако при более внимательном анализе ситуации (в частности, количества и качества выпущенных ядер) становится понятным, что калибр китайской артиллерии был невелик, а каждое из орудий делало в день всего 1–2 выстрела, что также не вяжется со словом «бомбардировка».

Иной пример: наблюдая за пафосным описанием Ледового побоища, читатель как бы забывает, что оно было в апреле. Без специального напоминания не учитывается не только время сражения, но и то, что по весу доспехов и эффективности защиты рыцарь XIII в. уступал русскому дружиннику того времени. Однако образ, возникающий в голове массового читателя при слове «рыцарь» — нечто, полностью закованное в «каминные» доспехи, относящиеся к позднему Средневековью или началу Эпохи Возрождения, и потому миф о том, что во время Ледового побоища тяжеловооруженные рыцари утонули (а русские дружинники, стало быть, спаслись) легко укоренился в массовом сознании.

Замена фактов умствованиями на тему

Рассмотрим это на примере моей собственной ошибки, связанной с попыткой реконструировать ход сражения при Таласе (битва в Центральной Азии, случившаяся в III н. э., как принято считать, между римлянами и китайцами, в которой последние одержали победу).. Зная и примерно равной численности войск и примерно представляя себе систему организации и ведения боевых действий как в Древнем Риме, так и в Древнем Китае, я выстроил внешне вполне убедительную модель сражения двух римских легионов и китайского цзюня примерно аналогичной численности, основанную на том, что обе стороны придерживались шаблонной тактики. Возможно даже, что будь Таласское сражение действительно столкновением римлян с китайцами, его ход был бы похож на мою модель.

Однако сама исходная картинка, к сожалению, была иной. Более детальное знакомство с историей этого сражения в общем-то убедило меня в

том, китайское войско состояло из вассалов империи, имевших совсем другой комплекс вооружения, чем ханьцы, а принадлежность их противников к римлянам на основании отрывка из китайской летописи о том, что «нам противостояли неизвестные воины, которые выстроились строем, похожим на рыбу чешую», достаточно сомнительна. Трактовку, что это был римский боевой порядок, при этом допустить можно, но при этом абсолютно неясно, были это настоящие римляне или кто-то пытался имитировать их технику или вооружать свои войска трофейным вооружением.

«Введение новых фактов»

...путем подделки является все-таки маргинальной практикой и используется только в том случае, когда а) из-за высокой ангажированности автора ставки очень высоки; б) риск разоблачения сведен к минимуму.

Однако если историческую фальшивку разоблачили не по горячим следам, а некоторое время спустя, то она пускает корни в массовом сознании, и выкорчевывать то, во что уже успели поверить, гораздо сложнее. Не говоря уже о том, что исправление ошибок далеко не всегда осуществляется в том же формате, что их совершение. Можно вспомнить классический прием желтой прессы, когда «неоднозначная» статья с кричащим заголовком занимает целую полосу и сопровождается агрессивной рекламой, а ее последующее опровержение там же занимает несколько незаметных строчек, набранных мелким шрифтом где-нибудь в углу.

Но о том, как именно вводятся эти «новые факты», мы поговорим в разделе, посвященном анализу источников.

Краткий курс источниковедения для «чайников»

Источниковедение учит, что каждая летопись, безусловно, являющаяся историческим источником, тем не менее, пишется конкретными людьми, у которых есть свои пристрастия, а нередко – и социальный заказ.

В нашей культуре существует созданный Пушкиным миф, о летописце, который без гнева и пристрастия регистрирует происходящие события и сообщает нам истину. Миф прекрасен. Его единственная проблема в том, что таких летописцев никогда не было. Книги писали и пишут конкретные люди, у которых были свои цели, свои любимчики и свои представления о том, что происходило в мире и как это должно быть описано. Мера ангажированности летописца различна, и историография учит отделять труд нейтрального историка от попыток вовлеченного в ситуацию лица протащить в анналы заданную точку зрения на проблему.

Более того, в большинстве случаев совершенно противопоказано выкидывать из процесса летописания ещё одну ключевую фигуру – заказчика. Ведь до начала массового использования бумаги летопись есть сложный и относительно дорогостоящий проект, хотя бы из-за

необходимости использовать дорогой материал — пергамент («самостоятельное» летописание в России в основном относится к 17 веку, когда цена на бумагу стала достаточно низкой). У заказчика тоже есть свои интересы: он даёт свои деньги не просто так. Обычно это правитель или влиятельный церковный деятель. Ему нужно, чтобы летопись представляла правильную, то есть его собственную позицию: оправдывала его политику, прославляла его и его предков. Например, высокий авторитет Владимира Мономаха во многом объясняется, что его образ в свое время был правильно «подан» в качестве князя, защищавшего общерусские интересы, летописцами работавшими по его собственному заказу и по заказу его сына Мстислава. Его же противник Олег Святославич подан в этих летописях как эгоистичный злодей, приводящий на русские земли жестоких половцев (хотя в действительности союзы с половцами периодически заключали оба князя).

Иной пример. Читая корейские «Исторические записи Трех Государств», надо помнить, что Ким Бу Сик, который возглавлял группу историографов, ее написавших, по основной специальности был чиновником, активным сторонником ориентации на Китай и конфуцианство, лично возглавлявшим подавление серьезного сепаратистского мятежа.

Это особенно касается ситуации, когда о политическом деятеле пишут недруги. К примеру, хроники, написанные жителями Трансильвании XV в. и отражающие деятельность Влада III до нас не дошли. Но поскольку своей политикой, направленной на обретение независимости, он равно «достал» и венгров, и турок, а его вынужденный переход в католичество вызвал неодобрение со стороны православных (русских и византийских) авторов, то все, что мы знаем о Владе Цепеше, нам известно от его врагов и недоброжелателей, которые, естественно, сгущали краски, а возможно — и передергивали.

Кроме того, летописец не является человеком, обладающим абсолютной компетентностью, вполне может включить в свой текст непроверенные факты, свидетельства очевидцев или авторские комментарии или художественные преувеличения.

Заметим, что даже внутри одной и той же книги качество информации может быть разным. К примеру, есть некая гипотетическая книга о взятии Берлина, которую написал офицер-артиллерист. Книга большая, подробная, изобилует интересными деталями. Однако при использовании ее в качестве источника надо учитывать следующее.

Так как автор обстреливал город с большого расстояния и из крупного калибра, а не сражался на его улицах, об уличных боях и ситуации внутри города он судит с чужих слов и описывает не то, что видел сам.

Хорошо разбираясь в тактике и применении своего рода войск, остальные он знает хуже, и поэтому его рассуждения о том, что и как надо было делать, не всегда достаточно профессиональны.

Не будучи штабистом, посвященным в стратегические планы командования, он знает только свой участок фронта, а не видит картину

полностью. Поэтому некоторые его выводы о том, как неправильно вело себя командование, связаны с этим. Так, демонстрационный удар, предпринятый с целью отвлечь противника от основного направления атаки, оказывается у него бездумной и самоубийственной атакой на вражеские позиции, совершенной без должной поддержки.

Из других источников нам известно, что у автора были сложные и неприязненные отношения со своим замполитом и довольно ершистый характер, который определял его отношения с руководством. Поэтому при описании целого ряда ситуаций он стремится обелить себя и выставляет своих недругов в неприглядном свете.

Свои мемуары он писал через 40 лет после описываемых событий и опирался как на личные воспоминания, которые сохранили в его памяти наиболее яркие моменты, так и на свои письма родным, не все из которых сохранились. Учтем и то, что все такие письма проверялись военной цензурой, и в них писалось «то, что надо». Остальные детали он восстанавливал по чужим книгам и журнальным статьям, а на дворе в то время уже была перестройка, и книга во многом отражает «дух времени».

Грамотный учет всех этих деталей и есть то, чему обучают историков на курсе «Источниковедение и историография». Это позволяет воспринимать данную книгу объемно, видя и понимая, где и когда на нее как на источник информации ссылаться можно, а где – нет.

Поэтому, анализируя тот или иной источник, будь то летопись X века или мемуары XX-го, нам стоит всегда задавать себе следующие вопросы.

Даже в анонимном произведении можно почерпнуть об авторе достаточно много информации. Это могут быть:

- его социальный статус и перемены этого статуса (был боярин – ушел в монахи),
- социальная самоидентификация, политические симпатии, личные интересы,
- круг общения («а это мне поведал боярин такой-то, когда мы с ним ...»),
- принадлежность к определённым специфическим социальным группам (например, выпускники элитарных образовательных учреждений часто обладают ярко выраженной солидарностью друг с другом),
- определённые детали судьбы, свидетельствующие о негативном или позитивном социальном опыте (участие в молодости в подавленной революции может повлиять на отношение к политическим силам, причастным к её подавлению; жертва репрессий вряд ли будет позитивно оценивать деятельность тех, кого она считает ответственными за свои страдания, а чиновник, делающий в это же время успешную карьеру, будет смотреть на то же самое совсем иначе).

Пределы информированности автора.

Что он на самом деле мог знать из того, о чём он пишет? Насколько вероятно, что он мог располагать такой информацией? Если он получил информацию из чужих рук, насколько вероятно, что эта информация могла быть у предыдущего звена цепочки и насколько вероятно, что он мог её передать?

Простой пример. В летописях часто встречаются армии огромной численности, формирование и снабжение которых было бы чрезвычайно сложной задачей для того уровня технологий. Можно ли доверять этим известиям? Для этого нужно задуматься, кто реально мог обладать такого рода информацией. Сразу становится понятно, что если информация о численности армии собиралась, то обладал ею только очень узкий круг лиц, приближенных к командованию этой армии. Всё остальное – слухи, домыслы, пропаганда, а то и сознательная дезинформация. Таким образом, если автор входил в этот высший круг или хотя бы контактировал с его представителями, то мы можем воспринимать его данные как возможно достоверные. Если нет – то большое число заменяем словами «очень-очень много» и успокаиваемся. Значит ли это, что мы должны отвергнуть всё летописное известие о сражении как недостоверное? Вовсе нет. Человек, не входящий в круг высшего руководства, тем не менее может располагать информацией о самом факте сражения, его времени и месте и даже о результате. Если он находился в составе одной из армий, он может даже сообщить какие-нибудь тактические детали сражения.

Более сложный пример. Имеют место быть воспоминания некоего работника искусства, в которых он рассказывает о том, что когда-то Орджоникидзе рассказал ему, что Сталин, когда его навестила мать, отказался встречаться с этой женщиной и велел охране выставить её вон. Предположим, Сталин и вправду прогнал старушку, и даже допустим, что это видел Орджоникидзе, который и вправду входил в ближний круг общения Сталина и считал его своим другом. Но стал бы он общаться на эту тему с относительно чужим для него человеком, вынося грязное бельё друга и показывая его малознакомым людям? Нет, и потому от использования этой информации стоит воздержаться как, мягко говоря, недостоверной.

Зачем автор всё это написал?

Или, какие у него были явные, и, особенно желательно знать, скрытые мотивы. Используйте те знания об авторе, которые у вас уже есть. Если есть заказчик труда, то тот же самый анализ надо провести и в его отношении. Такой подход позволит вам вносить поправки на субъективности и пристрастность автора.

Что может дать такой анализ в отношении, скажем, летописца? Зная, какому князю он симпатизирует, мы можем предположить, что негативные для восприятия князя события он затушевывает или убирает вообще, позитивные – выпячивает и подчёркивает в них роль этого князя. Противоположный принцип будет применён к правителю, к которому

летописец относится негативно. Это, разумеется, ещё не всё. Если летописец происходит из боярской среды, то для него именно бояре будут «солью земли». Хороший князь будет советоваться с боярами во всём, дарить им дорогие подарки, жаловать земли. Успехи объясняются тем, что князю помогают бояре, а он их слушается. Если же что-то идёт не так, то самая вероятная причина – князь не послушался бояр. Если же летописец с самого начала своего жизненного пути выбрал церковную стезю, то для него, скорее всего, именно церковь будет самой важной и главной силой, правильно будет только то, что хорошо церкви, а отношение к тем или иным правителям будет диктоваться их взаимоотношениями с духовной властью.

Тот же метод имеет смысл применять и к другим источникам, например, мемуарам или даже документам. Вовсе не обязательно считать, что если у нас в руках документ, то мы имеем дело с истиной в последней инстанции. Автор документа тоже может быть необъективен. И даже способен сознательно вводить в заблуждение адресата.

Если это отчёт о некоей проверке, то надо делать скидку на то, что проверяющий стремится представить себя строгим и суровым, не упускающим никакой мелочи. Учтите и то, каков реальный уровень компетентности: при всём своём стремлении выявить каждое, пусть даже самое мелкое нарушение, он может упустить что-то важное. И потом, всегда ли «разборы полётов» и проверки были действительно объективными?

Допустим, проверяющий – человек со стороны. В этом случае у него нет прямой заинтересованности в происходящих событиях, и он вроде бы объективен. Но нет у него и точного знания ситуации, «вживлённости» в структуру, оценку работы которой он делает. Поэтому подход проверяющего может быть обусловлен формальными признаками — соответствием действий наставлениям и уставам. Но жизнь невозможно загнать в узкие рамки самых прекрасных уставов. Самое тщательное их исполнение вовсе не даёт гарантию победы, а нарушение их — вовсе не всегда ошибка, ведущая к поражению. Кроме того, такой проверяющий будет иметь однозначный настрой на выявление недостатков, а не достоинств. Ведь именно этого от него требует его руководство. Отсюда избирательность восприятия.

Другой вариант — отчёт создаётся внутри самой структуры. В этом случае автор лучше разбирается в разбираемых проблемах, располагает большим объёмом информации. Но зато он уже не объективен. Его задача — найти крайнего, назначить виновника неудач (естественно, не себя, и не своего начальника). Поэтому к их выводам тоже следует относиться с осторожностью.

Если этот документ – доклад подчинённого начальнику, то в нём можно встретить помимо таких естественных и ожидаемых элементов, как попытка преувеличения собственных заслуг и затушевывания ошибок, ещё и управление собственным начальником. Те, кто никогда не работал в структуре управления, порой могут не подозревать о том, что подчинённые – не автоматы по выполнению инструкций и составлению отчётов. Что у них

есть свои цели, для достижения которых они будут препарировать и подавать информацию начальству в таком виде, чтобы побудить его принять некие решения. При этом возможны разные приёмы: прямая фальсификация данных, их эмоциональная подача, преувеличения, использование обтекаемых и нечётких формулировок и др.

Например, руководитель одного промышленного наркомата во время войны, получив данные о числе рабочих одного завода, больных дистрофией, в своём письме вышестоящей инстанции увеличил их число вдвое. Соответственно возросли и размеры запрошенной им продовольственной помощи. Кстати, вспомним народную бюрократическую мудрость: проси в два раза больше – получишь столько, сколько нужно. Очень часто документы составляются именно по такому принципу.

Свои особенности есть при работе с законодательными источниками. Например, необходимо, если есть возможность, проследить, как применялись законы на практике. Много даёт анализ того, в чьих интересах принимаются те или иные законы, какие слои общества они защищают.

Вообще, при анализе правоприменения законов бывают две стандартные крайности. Первая заключается в предположении, что после принятия закона он везде и всегда исполняется четко и точно, и положение де-факто тождественно положению де-юре. Вторая, наоборот, абсолютизирует погрешности, неизбежно возникающие на местах, или вообще делает вывод о том, что закон принимался для галочки и на деле никак не исполнялся. Истина же чаще лежит посередине, но знание контекста обычно позволяет более или менее точно определить, в какой степени исполнялся данный закон.

То же самое касается изучения так называемых источников личного происхождения (к этой категории относят мемуары, дневники и письма). С их помощью мы можем проникнуть во внутренний мир человека, увидеть мотивы его поступков, мысли о происходящем и т. д. Но большая часть этих источников не только субъективна, но и не достоверна даже в отражении этой субъективности. Авторы мемуаров задним числом вносят поправки и в действительность, и в свою оценку, чтобы казаться мудрее, прозорливее, лучше, чем на самом деле. Личные письма тоже не вполне отвечают критериям достоверности, ибо в большинстве случаев ориентированы на то, чтобы произвести определённое впечатление на адресата. Точно так же и в нашей реальной жизни мы далеко не всегда говорим другу то, что думаем. Если некто написал в письме некую мысль, это вовсе не означает, что он её на самом деле разделяет.

Конечно, есть случаи, когда люди пишут сами для себя, т. е. ведут дневник. Проблема в том, что многие дневники перед публикацией подвергаются переработке самим автором, в результате чего приобретают те же недостатки, что и мемуары. Единственное «счастливое» исключение – преждевременная смерть автора, который в этом случае не успевает внести свои правки.

Какова вероятность того, что источник впоследствии подвергнется правке или вообще является подделкой?

Понятно, что исторические источники иногда дописывают или подделывают, однако существуют методики определения подделок, которые достаточно широко известны историкам. Обычно подделки идентифицируют или по допущенным фактологическим ошибкам (к примеру, на приказе стоит подпись генерала, который в это время еще не командовал данной армией), по некорректному оформлению документации (написанные «от балды» входящие №№ или ситуация, когда ведомство издает инструкции, по предметам, не входящим в его сферу ответственности) или по стилю текста (в документ начала XX в. вставлены стилистические обороты и пропагандистские клише конца XX в.).

Более сложен вопрос о том, насколько источник мог дополняться и изменяться в процессе. Скажем, при переписывании летописи в нее могли быть внесены дополнительные фрагменты, соответствующие духу времени. Либо появляются истории, относящиеся к прошлым векам, наподобие вставленной истории о Евпатии Коловрате. Однако и тут критический анализ может помочь: так, одна из деталей, указавших на то, что история Евпатия – позднейшего происхождения, была связана с незнанием автором монгольской тактики: отряд отчего-то не был расстрелян.

Кстати: к историографии относится и такая важная вещь, как технологии атрибутики или верификации исторических материалов, позволяющие не только определить возраст предмета, но и способ его попадания в то или иное место. Условно говоря, факт обнаружения в старом доме в Англии китайской вазы X в. абсолютно не означает, что в X в. данное место посетили китайцы, хотя многие аргументы господина Мензиса, фантазирующего о том, как китайцы открыли Антарктиду, Северный морской путь и Гренландию, примерно из этого ряда.

Конечно, по прочтении этого текста легко впасть в уныние и решить, что поскольку источники не дают полной картины, полностью понять, что происходило в прошлом, в принципе невозможно. Это не так.

Во-первых, при перекрестной проверке источников, когда одна сторона говорит о том, о чем умалчивает другая, восстановить картину событий можно достаточно четко. И здесь аналогия со следователем, который расспрашивает различных свидетелей, чтобы выявить картину преступления, действительно оправданна.

Во-вторых, зная контекст или имея представление об уровне ангажированности источника, можно представить себе, о чем он мог умолчать или в какую сторону исказить информацию, даже если других столь же полных источников нет. Понятно, что 100%-ную гарантию истинности события это не дает, но такая корректировка позволяет судить более объективно.

В-третьих, восстановление событий на основании одного летописного источника может быть некорректным и нуждается в подтверждении или иными летописными источниками, или данным археологии.

Подытоживая: Критическое отношение к источникам вовсе не означает, что мы должны сходу отвергать всё, что в нём содержится. Речь идёт о таком подходе, при котором мы должны изучить достоверность источника через призму личности его создателя и с учетом контекста эпохи.

Махинации со статистикой

Вслед за фактами мы рассмотрим числа, так как разнообразные махинации со статистическими данными даже породили анекдот о том, что есть три типа лжи: ложь, наглая ложь и статистика. Именно поэтому мы выделяем в отдельный раздел варианты махинаций такого рода.

Некорректное суммирование

Хорошим примером такой махинации может быть известное «растроение Рабиновича». Один расстрелянный карателями человек одновременно был занесен в списки ликвидированных евреев, казненных коммунистов и выявленных пособников партизан. В результате при анализе гестаповского отчета о том, что было уничтожено сколько-то евреев, сколько-то коммунистов и сколько-то пособников партизан, цифры просто суммируются, и выпускается из внимания факт, что один и тот же человек мог быть включен во все три списка.

Некорректные экстраполяции

Наиболее явный пример – то, как были получены цифры в миллион + жертв голода в Северной Корее. Не имея возможности вести статистику таких жертв в каждом регионе, западные эксперты взяли % погибших от голода и последствий наводнений в одном из наиболее пострадавших от стихии районов, а затем распространили этот % на население всей страны.

Другой пример — пресловутые 2 миллиона изнасилованных немок в конце Великой отечественной. Дело примерно было так. Были взяты данные двух больниц (не родильных домов) и оттуда выбрана статистика женщин, которые сделали аборт после изнасилования. Затем были выбраны в целом произвольные модификаторы (20%) относительно того, какой % сделавших аборт составляет от общего числа изнасилованных. Таким образом, общее число изнасилованных было увеличено в 5 раз, после чего определено условное число изнасилованных «на районе». Затем уже эти данные по аналогии с северокорейскими жертвами голода распространили на всю страну.

Некорректный отбор данных

Точнее – неучет факторов, которые могли повлиять на появление таких статистических данных. К примеру, 88% проголосовавших за Саакашвили в «демократической» Грузии западные СМИ объясняли небывалым единением граждан вокруг своего лидера. Между тем, такой же % голосовавших за партию власти в некоторых регионах России они объясняли исключительно фальсификациями и небывалым использованием административного ресурса. Так же неверно было бы предполагать, что 99,98% проголосовавших за нерушимый блок коммунистов и беспартийных делали это только по идейным соображениям. То есть речь идет о том, что во всех приведенных случаях не стоит воспринимать приведенную статистику как целиком добровольное волеизъявление народа.

Второй пример опять же связан с немцами. Гитлеровская Германия вплоть до конца войны жестко запрещала аборт. В конце войны исключение было сделано только для тех, кто забеременел в результате изнасилования представителями низшей расы. В такой ситуации большое число женщин, желающих сделать аборт, было вынуждено позиционировать себя как жертв такого насилия, часто называя насильниками «монголов», которые для немца все на одно лицо и потому опознать насильника в ходе возможного дознания нереально. Еще один момент, «инициировавший» рост таких «жертв»: уже после официального окончания войны одна из немецких клиник выступила с безусловно гуманистической инициативой, объявив, что женщинам, доказавшим, что они являются жертвами насилия, аборт будет сделан бесплатно. В результате к реальным жертвам насилия прибавилось достаточное число, кто просто сумел воспользоваться ситуацией и заявить о себе как о такой жертве.

Некорректная выборка

Нередко манипуляции со статистикой связаны с использованием некорректных критериев выборки. Наиболее простой вариант связан с числом участников и тем, кого опрашивали. Между тем, чтобы результаты опроса были валидными с точки зрения статистики, число его участников должно быть более 200, а их состав – относительно разнородным. Если опрос выполнен только среди студентов, членов относительно узкого Интернет-сообщества и т. п., то он будет отражать мнения именно в этой среде и выдавать его результаты за общественное мнение вообще некорректно.

Но я не раз наталкивался в Интернете на аргументацию категории «выборы сфальсифицированы, потому что ни я, ни кто-либо из моих пятидесяти знакомых не голосовал за партию А, а она получила наибольшее число голосов». Хотя это все та же статистическая ошибка, связанная с некорректной выборкой.

Пример боле сложный, когда неверная выборка используется как основание для неверных выводов взяв подборку фамилий наиболее известных сексуальных маньяков, часть которых имеет или украинские фамилии, или является украинцами по национальности (Чикатило, Сливко, Ряховский..), ангажированный человек вполне может сделать вывод о генетической предрасположенности украинцев к изнасилованиям и убийствам на сексуальной почве.

Иной вариант. Некий сетевой деятель, желающий доказать выдающуюся роль евреев в Великой отечественной войне, опубликовал чрезвычайно подробный, с его точки зрения, список евреев-военачальников и евреев-героев Советского Союза. Даже если вынести за скобки тот факт, что значительная часть этих людей с точки зрения самоидентификации воспринимала себя не столько как евреев, сколько как граждан СССР, в список попали почти все военачальники, чья фамилия заканчивалась на «-ский», в том числе, например, поляк Рокоссовский. В дальнейшей дискуссии указанный патриот пытался защищать свою позицию тем, что «в условиях сталинского антисемитизма» все эти люди записывались русскими и поляками, в то время как на самом деле они были евреями. Но дальнейшее разбирательство показало, что, желая «нагнать» статистику, человек этот опирался не на официальные анкетные данные людей, а просто выбрал те фамилии, которые, с его точки зрения, могли быть еврейскими. Когда этому человеку показали фотографии некоторых из тех лиц, кого он считал евреями, он заявил: «Да, не каждый еврей имеет семитские черты».

Для меня такой человек ничем принципиально не отличается от тех оголтелых антисемитов, которые очень тщательно выбирают «еврейскозвучащие» фамилии во властных структурах, доказывая таким образом существование во власти жидовского заговора, направленного на уничтожение России и русского народа.

Некорректные приемы сравнения данных

Наиболее явный пример передергиваний в этой области — сравнительная характеристика потерь советской и немецкой армии во время Великой Отечественной войны, призванная доказать факт, «заваливания трупами». При этом, однако:

1. К собственно военным потерям добавляются потери среди гражданского населения Советского Союза.
2. У «немцев» считаются потери только немецких частей без учета их многочисленных союзников. Между тем под Сталинградом из пяти противостоящих нам армий немецких было только две, остальные – румыны и итальянцы.

3. При этом категория «пропавших без вести» учитывалась при определении советских потерь, но не считалась при определении потерь немецких.

4. Приводятся данные о потерях в нашем народном ополчении, но игнорируются данные о потерях в немецком фольксштурме на завершающем этапе войны. Впрочем, это может быть связано с тем, что в это время статистику потерь уже никто не вел.

5. Полицаи и пособники полицаев, бывшие граждане СССР, воевавшие на стороне немцев и уничтоженные Красной армией или партизанами, записаны в советские, а не немецкие, потери.

Похожий пример манипуляций со статистикой замечен при оценке численности армий сторон перед началом Корейской войны. У северян считают как собственно военнослужащих КНА, так и внутренние войска, и иные вооруженные формирования, включая милицию. У южан же учитывают только собственно армию, а полиция и многочисленные полувоенные формирования типа Молодежных корпусов остаются за скобками. В результате получилось, что северокорейская армия обладала почти двукратным превосходством. Однако если и на юге посчитать всех, а также принять к сведению, что непосредственно в войне принимали участие далеко не все, «зачисленные в северокорейскую армию», реальное численное превосходство северян становится гораздо меньшим.

Еще пример. Борцы с нелегальной эмиграцией с Кавказа и из Средней Азии очень любят ссылаться на статистику преступлений, совершенных приезжими из стран СНГ. Однако в эту статистику входят и преступления, совершенные выходцами из Украины, Белоруссии и Молдавии, и пока нет более подробного анализа, в котором бы приводились данные о статистике преступлений применительно к каждой диаспоре, использование этих данных корректно не полностью.

Нередко махинации со статистикой связаны с выбором критериев для сравнения. Особенно если приходится сравнивать стороны, имеющие ассиметричные параметры. К примеру, налицо две системы — СССР и Германия, которые по наблюдаемым технологическим параметрам далеко не равноценны:

СССР превосходит Германию по людским ресурсам, производству основных стратегических материалов (стали, химикатов и т. п.), общему промышленному производству, военной промышленности, а также — численности Вооруженных Сил, их материальной обеспеченности.

Однако СССР однозначно проигрывает Германии по: уровню образования населения (а значит, и качеству солдат); качеству подготовки рабочих и количеству и качеству подготовки ИТР; уровню развития высоких технологий (точная механика, оптика, приборостроение, моторостроение, алюминиевая промышленность); уровню подготовки офицерского состава и боевому опыту войск.

Еще один пример, некорректной статистики — это сравнение целого с частью. Наиболее часто такое встречается при спорах о Второй мировой, когда военно-стратегический потенциал всего СССР или всей Германии (в зависимости от точки зрения сравнивающих) противопоставляют только тем войскам противоположной стороны, которые были сосредоточены на границе и принимали непосредственное участие в начале войны.

А при сравнении военной техники сторон часто используется сравнение экспериментальных параметров с реальными. С одной стороны приводятся реальные ТТХ серийной техники, а с другой — заявленные ТТХ экспериментальной. На человека, не знающего, что 90% экспериментальной техники так и остается в экспериментах, а 90% оставшейся не дает заявленных ТТХ и близко, это производит впечатление.

Приписки и откаты

Суть этого приема общеизвестна, но хочется отметить, что приписки иногда осуществляются на нескольких уровнях, и статистические данные растут как снежный ком. При этом не всякий исследователь, ознакомившийся с подобными итоговыми данными, берется разобраться в том, как они были получены.

Обратным вариантом приписки является неучет «откатов» и других феноменов, связанных с коррупцией. В результате, скажем, если на реализацию какого-то проекта было выделено 2 млрд. руб., это совсем не означает, что именно эта сумма была на него потрачена, а следует учитывать уровень коррупции. В отдельных случаях вполне вероятно, что собственно на реализацию проекта будет потрачено всего лишь десятая часть выделенной на него суммы.

Подмена одних данных другими

Здесь, конечно, можно найти очень много примеров, но я остановлюсь на двух. Во-первых, это оценка количества политзаключенных в КНДР. Здесь с одной стороны, в политзэки записывают всех заключенных вообще, с другой – игнорируется интересная деталь. Многие авторы путают лагеря для преступников с лагерями для «враждебных элементов», куда переселяют «членов семей изменников родины (в случае ареста главы семьи по политическому обвинению, вся семья также подлежит немедленной высылке)», или высылают в административном порядке за неполитические проступки. Условия жизни там весьма суровы, но по уровню содержания не столько Гулаг в чистом виде, сколько лагерь для спецпереселенцев. Между тем, так как автор самых известных за пределами КНДР воспоминаний заключенного провел 10 лет именно в таком заведении, эти лагеря тоже записывают в «Гулаг».

Другой пример – статистика апологетов Холокоста, касающаяся того, сколько евреев было убито Гитлером. В целом ряде случаев речь шла не о собственно жертвах геноцида, а о тех евреях, которые умерли на оккупированной немцами территории за время гитлеровской оккупации. В результате жертвы Холокоста оказались даже в Дании, хотя точно известно, что все датские евреи были организованно переправлены в нейтральную Швецию.

На грани манипуляций числами и психологического воздействия на аудиторию можно отметить ложное выставление верхних и нижних границ, которое часто сопровождается игрой с умолчаниями. Наиболее явно это видно в цитатах типа: «Корпус потерял сотни человек личного состава» или «От химического оружия Саддама Хусейна погибло до 100 тысяч курдов». Теоретически «до ста тысяч» воспринимается обычно как 99, ..., но на деле «до 100» означает только «менее 100». При этом с формальной точки зрения автор высказывания прав. Это же относится и к «сотням», хотя, условно говоря, 2 сотни и 9 сотен, вмещающиеся в такое определение, цифры очень разные. Но обычно в голове человека при словах «сотни погибших» возникает образ многих сотен, а не двух.

Работа со «свидетельствами очевидцев»

В целом, анализ свидетельских показаний проходит по той же схеме, что и анализ источника, но мы отделили работу со свидетельствами от анализа собственно фактов, так как между историческим фактом и показаниями свидетелей этого факта есть некоторая разница. Иное дело, что «устная передача», особенно когда свидетелем является чей-то близкий человек («... а мне дедушка рассказывал, что...»), нередко воспринимается как нечто более достоверное, чем «официальный» письменный текст.

Однако у гипотетического дедушки тоже может быть достаточно причин, чтобы не рассказывать внукам всю правду и, в первую очередь, сохранить в их глазах свой положительный образ. Как отмечалось в одной из заметок известного переводчика и публициста Дм. Пучкова («Гоблина»): «97% населения лагерей твёрдо уверено в том, что посажены ни за что. И только 3% считают, что их осудили справедливо».

По той же причине нельзя воспринимать как стопроцентно достоверную информацию, исходящую от перебежчиков из Северной Кореи, особенно тех, кто претендует на статус политического беженца. Формально проверить их информацию невозможно, т. к. КНДР – закрытое государство. Однако статус такого беженца дают не всем и не просто так. А это значит, что от перебежчика требуется или какая-то важная стратегическая информация, или информация, которая может быть с успехом использована в пропаганде и которую он озвучивает как единственный свидетель. Поскольку действительно важной информацией обладают не все, то весьма

соблазнительно предстать человеком, «раскрывающим страшные тайны режима» и рассказывающим то, что другая сторона хочет от тебя услышать.

Но вариант, когда свидетель осознанно хочет что-то скрыть, интересен нам менее, чем ситуация, когда он стремится быть объективным.

Свидетельские показания – это интерпретация данного конкретного человека, и ни один свидетель не запоминает ситуацию со всей точностью.. При этом, особенно в ситуации, когда человек вспоминает о событии спустя длительное время, многие детали он сознательно или несознательно искажает. К тому же каждый свидетель смотрит со своей колокольни и может не знать «контекст».

В результате при опрашивании свидетелей нередко возникает своего рода «эффект Расёмона», когда показания разных участников одного и того же события рисуют совершенно различную его картину, ибо каждый рассказывает о произошедшем со своей стороны.

Кроме того, нередко срабатывает так называемая «ложная память». Мы уже приводили здесь в качестве примера рассказ матроса с «Потемкина», в памяти которого кинематографический эпизод вытеснил реальный, но сюда же можно добавить целый ряд нашумевших в США в последней четверти XX в. дел об инцесте и педофилии, которые были возбуждены после того, как во время сеансов психоанализа взрослая «жертва» была убеждена психоаналитиком в том, что ее нынешние проблемы – следствие случившегося в раннем детстве инцеста, воспоминания о котором она стерла из своей памяти. При помощи врачей и адвокатов она вроде бы «вспомнила всё», однако в ряде подобных случаев удалось доказать, что такое событие не имело место в действительности, а информация о нем была фактически внушена пациенту психоаналитиком и скорректирована адвокатом.

Именно поэтому, хотя в наших головах прочно сидит детективный стереотип «единственного свидетеля», восстановление событий по свидетельским показаниям обычно делается на основе сопоставления показаний нескольких человек. Ибо выражение «врёт как очевидец» — не на ровном месте появилось.

Существует определенный термин – «корпус свидетельских показаний», как бы отражающий совокупное мнение очевидцев события. Естественно, если это событие является массовым, то корпус подразумевает опрос большого числа людей с тем, чтобы на первый план вышли бы не мелкие различия или какие-то «глюки» отдельных лиц, а относительно полная картина – то, что как бы видели или отмечали все. И если рассказ одного человека может быть пристрастным, то совокупное описание события со слов многочисленных и разнообразных свидетелей делает картину более полной, — также как с фактами, внешне различные мнения свидетелей могут не взаимно исключать, а взаимно дополнять друг друга.

Кстати: применительно к войне комплексный взгляд на проблему и учет всех факторов сводится к тому, что и генеральский взгляд из штабов, и

то, что у нас принято называть «окопной правдой», взаимно дополняют, а не взаимно исключают друг друга.

Подобный прием позволяет отсеять и так называемых «фальшивых свидетелей», — лиц, рассказывающих не то, что они видели, а пересказывающих слухи, причём, нередко, наиболее нелепые. Таких людей всегда много вокруг любого значительного и не очень исторического события.

Вот типичный пример «воспоминаний» такого рода — рассказы о финских многоэтажных дотах с резиновым покрытием, из-за которого советские снаряды отскакивали от них и почти летели обратно. Между тем, в финской историографии нет даже малейшего намека на многоэтажность дотов, а тем более резиновые купола, тем более что большинство финских дотов, построенных на линии Маннергейма в 30-х годах, немногим отличались от советских «собратьев».

Что же до пристрастного подбора свидетелей как способа манипуляции, то по своей методике он не сильно отличается от пристрастного подбора фактов и конструирует ситуацию, когда выгодный творцу мифа взгляд на события подменяет собой все остальные вместо того, чтобы учесть все позиции и рассмотреть картину со всех сторон. Весь корпус показаний игнорируется, и из него выбираются те, кто поддерживает нужную точку зрения. О наличии других мнений или не сообщается вообще, или они объявляются ангажированными (например, если речь идет о разгоне ОМОНа «демократической демонстрации», журналист «Эха Москвы» не посмеет принять к сведению показания ОМОНовцев), либо некомпетентными («они что-то видели, но что видели — не поняли»), или малочисленными.

Подытоживая: показания свидетелей важны, но, как правильно отмечает большинство следователей, ознакомиться с ними необходимо всегда, полностью им верить — не следует. Правда — она у каждого своя, особенности восприятия — тоже, ну а про особенности индивидуальной памяти и говорить нечего. Да, очевидец видел всякое и помнит многое. Однако это вовсе не значит, что свидетельские показания одного человека (в отличие от обработанного корпуса показаний) — единственный и самый правильный критерий истины.

Источники и ссылки как система подтверждения вышесказанного

Теперь уделим особое внимание ссылкам и цитатам потому, что, во-первых, качественно оформленный ссылочный аппарат всегда служит признаком качества самой работы, а во-вторых, приведение источников позволяет определить и научный кругозор автора, и то, на какие данные он опирался. Не случайно любая серьезная научная работа, тем более диссертация, включает в себя подробный очерк и анализ источников, которыми пользовался автор, и историографии вопроса.

Есть мелкие приемы работы со ссылками, которые не обязательно являются привилегией ревизионистов или фальсификаторов иного рода. К ним, например, относятся **введение «мертвых» источников**, когда для раздувания библиографии в список использованной литературы заносятся все известные автору работы по данной теме, в том числе – и те, которые он и в глаза не видел, или **использование источников второго порядка** в случае, если первичный источник недоступен и ссылка сделана не после знакомства с собственно источником, а опирается на его активное цитирование в работе другого автора.

Потому мы скорее обратим внимание на те приемы работы со ссылками, которые имеют непосредственное отношение к процессу передергивания известных фактов или «введения в научный оборот» новых, ревизионистами придуманных.

Перекрестные ссылки друг на друга

Когда ревизионисты формируют некое сообщество по интересам, в их среде начинается процесс взаимоцитирования в форме списывания друг у друга: автор А вводит некий факт со ссылкой на автора Б, автор Б приводит в подтверждение своей гипотезы выкладки В, а В, в свою очередь, опирается в своей работе на А. Читатель, не знающий что эти авторы принадлежат к одному сообществу, не сомневается в подлинности упоминаемого всеми тремя и постепенно обрастающего домыслами факта, а разобраться в круговороте ссылок и найти концы не так-то просто.

Много ссылок по мелочам и отсутствие ссылок в главном

Это прием рассчитан на определенное замыливание глаз. Читатель привыкает к тому, что любая, даже самая мелкая, деталь обязательно проходит с правильно оформленной ссылкой на источник, и когда главное положение теории проходит без каких-то приведенных доказательств, это проходит незамеченным..

Нечто подобное делает Буровский, разбирая историю еврейских погромов. Доказывая несостоятельность официального мифа на примере серии инцидентов, когда провокации были и с еврейской стороны, либо как погром была представлена бытовая разборка, он описывает в качестве «гвоздя программы» события в Гомеле, где евреи, по его словам, спровоцировали русских на «ответные меры» своим постоянным хамством и поступками (включая стрельбу в городских или выплескивание кислоты в лицо русским женщинам). Однако если все предыдущие эпизоды снабжаются дотошными ссылками (пусть и не всегда «хорошего качества», ибо ссылка на черносотенную газету как на источник некорректна), то в рассказе о событиях в Гомеле ссылок на источники информации нет совсем.

Ссылка на некорректный источник

К примеру, доказывая преступные планы кровавого сталинского режима, Резун дает ссылку на номер «Правды» от 4 марта 1941 года на страницу 4, откуда приводится развернутая цитата о том, как надо поступать с союзниками, натравливая их друг на друга и не упуская своей выгоды. Это действительно ссылка на ту самую страницу той самой газеты, на которой, однако, находится не правительственная статья, а рецензия Емельяна Ярославского на том первый книги «История дипломатии» под редакцией Потемкина, в тексте которой цитируется данное высказывание, принадлежащее герцогу Сфорца.

Еще один пример у того же автора — газетная цитата в номере «Правды» от 1 января 1941 года о расширении СССР на всю планету, тоже оказавшаяся цитатой из публиковавшегося в газете научно-фантастического рассказа Леонида Соболева «Своевременно или несколько позже».

Ссылка на несуществующий источник

Если она выглядит грамотно оформленной, то никто не заподозрит, что вышедшей в издательстве «Азкабан-пресс» в 1984 г. в серии «Тайны масонских зоосадов» книги профессора Г. Поттера «Конспирологическая история мифа о смерти слона в зоопарке» попросту нет.

Более распространенным вариантом этого приема, является, однако, ссылка на несуществующий раздел реального источника. Расчет делается на то, что, удостоверившись в подлинном существовании такого труда, критики не станут копаться в нем, выискивая то, на что сослался автор. Так, в одном из текстов (правда, совсем уж маргинальных) русских националистов автор натолкнулся на рассказ о том, как «Сага о Вельсунгах» повествует о сражении предков древних германцев со злобными евреями, которое имело место на территории нынешней России. Сага такая есть и хорошо известна, но ни евреи, ни русские земли в ней не упоминаются.

Ссылка на источник, не имеющий прямого отношения к теме

Как правило, каждая историческая область имеет определенный набор источников или литературы, которые являются основными по данной теме. И поэтому очень смешно наблюдать то, что историю Китая Мензис предлагает нам учить по книге Ван Гулика «Сексуальная жизнь в Древнем Китае». Более половины ссылок, посвященных истории и культуре страны в рассматриваемое им время, относятся именно к ней, а не к более серьезным или общим исследованием.

Этот прием в несколько ином варианте применяет Югай, в работах которого присутствует огромное число ссылок на Розанова, Рериха, Тилака,

но при этом работ корееведов вообще, и тем более – по затрагиваемой им теме, нет совсем.

К этому же приему близок ограниченный выбор источников. Это именно то, за что китаисты имеют такие претензии к Л. Гумилеву, поскольку все его выкладки, касающиеся истории Китая, опираются или на материалы археологии, относящиеся не совсем к этому региону, или всего на два источника в русском переводе, а именно – «Сокровенные сказания монголов» и «Собрание сведений...» Иакинфа Бичурина, которое представляет собой сделанную им выборку из китайских летописей, а не полный их перевод.

Ссылка на источник, не существующий к данному времени или заведомо недоступный

Сюда относятся как источники, которые, по версии ревизионистов, безусловно существовали, но до настоящего времени не сохранились, так и как разного рода сверхсекретные документы, с которыми автор сумел ознакомиться неким таинственным образом и которые недоступны для изучения кому-то еще. Последнее нередко сопровождается рассказами о том, как *«вскоре убитый после этого NN тайно провел автора в секретный архив КГБ/Ватикана/Масонского сговора, где он имел возможность отсканировать документы, неопровержимо свидетельствующие о...»*.

Подобного подхода придерживаются и корейские историки боевых искусств, которые очень любят рассказывать о том, что письменные трактаты, отражающие богатство корейской воинской традиции, были, но во время колониального ига японцы почти все их собрали и уничтожили. Похожей аргументации придерживаются некоторые украинские национал-радикалы: преступные планы Сталина в отношении геноцида украинского народа подтверждает целый ряд секретных документов из архивов КГБ, однако в начале 1990-х годов все они были спешно сожжены, а все, кто мог это подтвердить, — убиты.

Миф о том, что свидетельства/доказательства были, но потом их уничтожили, опять-таки, является порождением переноса в древность современных представлений о месте истории и о необходимости ее «формировать». К сожалению, в определенной мере это относится, разве что, к дальневосточному региону, где создание государственной трактовки истории периодически предполагало определенное «исправление имен». Однако и здесь косвенным доказательством подлинности уничтоженного источника может служить зафиксированный факт уничтожения документов (например, на основе свидетельских показаний или позднейших записей в исторических хрониках о том, что все упоминания о «мятеже ночных невидимок» и «королевском брате-близнеце» высочайшим повелением были вымараны), но, как правило, доказательств такого рода ревизионисты не приводят.

В общем, есть разница между *«Доказано, что документ был, но затем его уничтожили»* и *«Прямых доказательств этого факта нет, что свидетельствует о том, что все документы уничтожены»*. Кроме того, иногда документы уничтожаются непреднамеренно, и далеко не каждый пожар в архивах – поджог. С другой стороны, когда с вводом американских войск в Багдад были частично разрушены, а частично разграблены ценнейшие архивы археологических материалов по истории Древнего Двуречья, один из моих знакомых горько пошутил, что лет через 50 какая-нибудь новая группа ревизионистов вполне может начать отрицать существование того или иного исторического факта на основании того, что подтверждающих его обстоятельств теперь больше нет.

Отсутствие источника как главное доказательство

Особо упертые конспирологи нередко считают главным доказательством своих выводов отсутствие документальных подтверждений факта. Это связано с тем, что «все свидетельства были уничтожены, но сам факт того, что по рассматриваемой проблеме не оставлено никаких улик, и есть главная улика».

От предыдущего приема этот отличается тем, что если там утверждается, что источник был, но его целенаправленно уничтожили, здесь в качестве доказательства используется именно «белое пятно».

Похожая логика сквозит в тексте, авторство которого одна из газет российских корейцев приписала М. Н. Паку. Речь шла о секретном советско-японском соглашении, по которому в обмен на нейтралитет во Второй мировой войне Советский Союз должен был репрессировать корейское землячество и осуществить геноцид корейского народа, частью которого стала депортация советских корейцев с Дальнего Востока в Казахстан и Среднюю Азию. По мнению автора материала, то, что ни в российских, ни в японских документах вообще нет никаких ссылок на тайный договор между этими странами, доказывает то, что такое соглашение было, но оно было особо секретным.

Ссылка на анонимный источник

Это то самое «клиническими испытаниями доказано» или «многочисленные и авторитетные эксперты утверждают», причем опасность этого приема заключается в том, что в ряде случаев серьезный эксперт действительно не желает, чтобы его имя озвучивалось. Однако, как минимум, с точки зрения журналистской этики, такая информация используется для высказывания предположений или не проверенных данных, но не доказательства. И строить теории, опираясь на мнение анонимов в качестве главной опоры является моветоном.

Одним из очень хороших примеров такой работы является книга Панина и Альтова, «разоблачающая» режим Ким Чен Ира. В ней приводится очень много «душераздирающих подробностей», однако все они даются со ссылкой на «ряд экспертов», имена которых не называются никогда.

К ссылке на анонимов отнести и ситуацию, когда ревизионист ссылается на какие-то авторитеты, которые, однако, абсолютно неизвестны окружающим, — *«профессор Смит убедительно доказал... Это же было подтверждено российским историком Петровым, собравшим уникальные свидетельства того, что...»*. В ситуации, когда имена Смита и Петрова известны как специалистов в данной области, либо когда к подобным заявлениям прилагаются ссылки на их работы, всё в порядке. Но когда эти имена вызывают исключительно реакцию типа «А кто такой этот...?», можно смело ставить знак равенства между ними и «многочисленными экспертами».

Использование работ иностранных авторов в качестве убойного козыря

Ссылка на зарубежные издания как бы убивает несколько зайцев. Во-первых, существует предположение, что иностранные авторы могут быть объективнее, так как не вовлечены или менее вовлечены во внутренние проблемы страны. Посылка эта не всегда верна, ибо, например, работы американских авторов времен холодной войны, посвященные истории Советского Союза в 1930-е – 1940-е годы, весьма ангажированы и наполнены пропагандистскими материалами.

Во-вторых, эта посылка связана с утверждением, что западная наука более развитая и прогрессивная. Возможно, это и так, но нередко иностранному исследователю бывает сложнее вникнуть во внутренние проблемы страны. Здесь может сказаться и незнание языка, и меньший уровень доступа к архивам, и непонимание некоторых национально-культурных реалий, знакомых тому, кто воспитывался внутри традиции. В-третьих, ссылка на иностранный источник как бы подтверждает распространенность данной точки зрения не только внутри страны, но и за ее пределами. То, что эту точку зрения разделяет кто-то на Западе, еще не значит, что там доминирует.

Замена верификации факта «мифологическим» представлением о нем

Как заявила на конференции госпожа Нам, *«я не считаю необходимым приводить ссылку там, где речь идет о фактах настолько общеизвестных, что во время перестройки об этом писали все газеты»*.

Использование непроверенной информации/слухов

Любое событие со временем обрастает слухами, многие из которых при малейшей попытке их проанализировать выглядят весьма нелепо (например, пулеметы заградотрядов, стреляющие в спины атакующим штрафникам, или уже упомянутые финские доты с резиновой крышей). Таких своего рода «городских легенд» достаточно много, и они создают значительный уровень информационного шума. А из рассказанных «фальшивыми свидетелями» (см. определение данное в тексте выше) баек о Великой Отечественной войне можно было бы запросто составить монументальное издание и даже назвать его «Правда из уст ветеранов», причем сам факт издания такого сборника легитимизировал бы истинность того, что в нем написано.

Легитимизация беллетристики в качестве исторического источника

В материалах об массовых изнасилованиях немецких женщин советской армией нередко встречается цитата, якобы из Эренбурга: *«Убивайте! Убивайте! Нет такого, в чем немцы не были бы виновны — и живые, и еще не родившиеся! Следуйте указанию товарища Сталина — раздавите фашистского зверя насмерть в его собственной берлоге. Сбейте расовую спесь с германских женщин. Берите их как законную добычу!»* Попытка поискать ее в собрании сочинений данного автора или найти ссылки на нее в материалах того времени не закончилось ничем, однако мой тогдашний оппонент отреагировал на этот факт феноменально: *«но ведь Эренбург писал нечто подобное! Что с того, что он не написал именно эти строки?»*.

К подобным же цитатам относится «отрывок из плана Даллеса», где излагается подробный план разрушения моральных устоев СССР изнутри, направленный на то, чтобы сделать из советских людей «циников, пошляков и космополитов». Директива 20/1 СНБ США от 18 августа 1948 г., более известная как «План Аллена Даллеса», действительно существовала, однако столь любимый определенными авторами текст представитель американских спецслужб излагает на страницах литературного произведения Анатолия Иванова «Вечный зов». Затем он появляется в книге Н.Н. Яковлева «ЦРУ против СССР», которая окончательно вводит его в научный оборот. Тем не менее это — фальшивка. Стратегия – была, именно такой документ – нет.

Один из моих знакомых вроде бы отследил подобный подлог и у Солженицына, когда выяснилось, что вложенная им в уста Сталина цитата о врагах и предателях заимствована из реплики Сталина в советском фильме о войне, а не из собрания сочинений последнего, но привести достаточно доказательств этого я не могу и ограничусь уже упомянутыми цитатами из Рыбакова и Веллера, которые сегодня воспринимаются как высказывания Сталина и Жукова.

Некорректное цитирование

В данном случае речь идет о цитате, вырванной из контекста или неправильно обрезанной. Ленинское *«все театры следует положить в гроб»* относится к письму Луначарскому, в котором В. И. В. присущей ему эмоциональной манере рекомендует нарком просвещения в первую очередь сосредоточиться на вопросах образования и не уделять так много внимания такому элитарному виду искусства как театр, а его же *«из всех искусств для нас важнейшим является кино»* в необрезанном виде звучит примерно как *«в условиях, когда 90% населения России неграмотны, из всех искусств...»*.

Или иная цитата из Сталина – *«Что не сделает закон, то должна восполнить пуля!»* (Фабричное законодательство и пролетарская борьба т.1 стр. 290). Проблема в том, что полный вариант звучит как *«Что не сделает закон, то должна восполнить пуля! Так думает царское правительство...»*.

Поневоле вспомнишь анекдот о том, как Берия любил Пушкина за то, что он написал *«Души прекрасные порывы»*.

Некорректный перевод

Отдельный момент связан с работой с источниками «не в оригинале», когда автор опирается на информацию, которая может быть осознанно или неосознанно искажена переводчиками. Однако встречаются случаи, когда ревизионисты намеренно используют в качестве источника некорректный перевод. Именно к такому приему, например, прибегали те, кто пытался доказать, что «окончательное решение еврейского вопроса» по Гитлеру вовсе не предполагало геноцид.

Нечто похожее встречалось в работах южнокорейских историков, возлагающих главную ответственность за Корейскую войну на Кремль. В качестве аргументов приводились переводы на корейский язык телеграмм Сталина. Однако перевод был сделан так, что одобрение инициативы Пхеньяна превратилось в навязывание ему своей воли.

До недавнего времени в Музее истории Корейской войны в Сеуле в качестве доказательства использовался написанный по-русски план наступления. По замыслу пропагандистов он должен был иллюстрировать то, что все стратегические документы сначала составлялись по-русски, а потом переводились на корейский. Однако в правом нижнем углу документа есть пометка, на которую, вероятно, не обратили или не захотели обратить внимание. Пометка эта гласит: *«Перевод на русский язык Цой Илья»*. То есть в действительности это русский перевод корейского документа.

Применение в работе с источниками «единственной книги»

Незнание источниковедения нередко приводит ревизионистов к так называемому «синдрому одной книги», когда наиболее понравившийся или

оказавшийся первым среди прочитанных текстов по теме превращается в своего рода библию, и всё дальнейшее изучение проблемы осуществляется с позиции его автора.

Но здесь мы говорим об ином. В данном случае среди разнообразных источников выбирается один, в котором содержится нужная информация, в то время как все остальные свидетельства игнорируются. Зато посылка ревизиониста вполне легитимизирована ссылкой. Так, основываясь исключительно на мемуарах одного из партизанских командиров, Светлана Нам оценивает численность иностранных интервентов на Дальнем Востоке в 100 тысяч человек, в то время как японо-англо-американские силы составляли по документированным историческим данным менее 40 тысяч. Даже если добавить к ним «белочехов», которые действовали в регионе в иное время, 100 тысяч все равно не набирается. Так же не критичны были ее ссылки на ряд откровенно пропагандистских советских изданий, описывающих подвиги корейских коммунистов и зверства японцев.

Приоритет одного корпуса источников над другими

Прием этот вытекает из недостаточного знания вспомогательных дисциплин или неумения/нежелания анализировать весь корпус свидетельств. Из него выбирается только один блок источников, которые служат ревизионистам доказательной базой. Например, европейские ревизионисты отдают особое внимание документам, считая, что если факт не был должным образом задокументирован, его не было. У Соколова и прочих авторов «нового взгляда на Вторую Мировую» это приоритет «окопной» правды над генеральской. У сторонников Фоменко это определенный блок летописей, как правило, русских. То, что одно и то же событие может быть зафиксировано в разнообразных источниках (наподобие отрицаемого ими завоевания монголами Центральной Азии) или подтверждаться данными материальной культуры, ими игнорируется. Мензис, наоборот, использует в качестве доказательств исключительно материальные источники, игнорируя летописания под предлогом того, что все летописи были подделаны.

Отрицание подлинности источников, не вписывающихся в концепцию

Летописный источник, содержащий нежелательную для ревизиониста информацию, можно пробовать объявить подделкой, созданной для дискредитации верной точки зрения. Так, западные ревизионисты утверждают подложность «Дневника Анны Франк», который будто бы был написан шариковой ручкой, а их российские коллеги договорились до того, что объявили сфабрикованным в ходе Нюрнбергского процесса «Генеральный план Ост», который, напомним, содержал ключевые

положения политики по отношению к населению оккупированных территорий СССР.

С другой стороны, сами ревизионисты не гнушаются использовать как свои источники материалы сомнительной подлинности (к примеру, разнообразные «тайные писания» корейских даосов, точной датировкой которых особенно никто не занимался) или являющиеся разоблаченными фальшивками («Велесова Книга», «Протоколы сионских мудрецов» и т. п.).

Использование мнимых противоречий и игнорирование принципа взаимодополнения

В свидетельских показаниях или источниках разных сторон всегда можно найти внешне неразрешимые противоречия, на основании которых можно или отменить те трактовки событий, которые чем-то не устраивают ревизиониста, или вообще сделать вывод о том, что поскольку показания противоречат друг другу, весь корпус свидетельских показаний (а не только позиции, по которым наблюдаются противоречия) не заслуживает доверия и объективную истину о том, что произошло, вообще нельзя установить или можно установить, но на основе иных источников.

Одним из основных направлений работы ревизионистов такого рода является дискредитация и отведение устных свидетельств отдельных очевидцев Холокоста (будь то немецкая сторона, т. е. администрация и охрана лагерей, или сторона заключенных), если они не подкреплены документами. Делается это на основании того, что эти показания переполнены противоречиями и потому не заслуживают никакого доверия. Между тем, понятно, что каждый рассказывал о том, что он знал, помнил или то, что ему казалось, и даже начальник лагеря мог не помнить все детали технологического процесса работы его крематория.

Игнорирование историографической традиции

Например, в работах последователей Фоменко постоянно прослеживается тезис о том, что в современной исторической науке нет технологий, которые позволяют безукоризненно определить возраст предмета. Обычно они начинают говорить о радиоуглеродном методе, который применяется в палеонтологии и действительно дает плюс-минус 100 лет. Это служит для них оправданием при выстраивании собственных теорий. Однако историки полагаются, в основном, не на радиоуглеродный метод, а на иные технологии, среди которых наиболее простая – определение возраста срубов из древесины по годовым кольцам.

Некорректное использование материалов пропаганды

Понятно, что на войне или во время предвыборной кампании для дискредитации противника хороши все средства. В ход идут и натяжки, и полуправда, и откровенная ложь, и манипулирование слухами. При этом «когда война закончилась», победитель обычно не приносит извинения побежденному за допущенные «неточности» (таким поведением отличились только англичане после Первой мировой, которые дезавуировали наиболее одиозные положения своей пропаганды, касавшиеся немцев). По умолчанию историки понимают «ценность» пропагандистских материалов как источника фактов, поскольку для красного словца в материалах и документах такого рода (а это могут быть далеко не только листовки) может содержаться очень высокий процент дезинформации. В связи с этим материалы пропаганды надлежит или использовать в комплексе, рассматривая обвинения обеих сторон, или анализировать с особой тщательностью, помня, для чего эти тексты писались.

Здесь надо учитывать и то, что если «своя» пропагандистская литература нам, как правило, известна и ее штампы заведомо вызывают отторжение, то такая же пропаганда с другой стороны как бы менее воспринимается нами как пропаганда.

Однако ревизионисты не знают этих тонкостей, а чаще – игнорируют их. В результате получается, что при описании ужасов гражданской войны агитационные материалы красных закономерно клеймятся и отметаются как пропаганда, в то время как занимающие аналогичную нишу материалы белых воспринимаются как источник, заслуживающий доверия. На этом основании делается вывод, что красный террор был на порядки кровавее белого, хотя особенности гражданской войны всегда предполагают высокий уровень взаимного озверения, и в агитационном арсенале обеих сторон можно найти как достаточно совершенно реальных фактов зверств противника, так и пропагандистских фальшивок.

Конечно, полностью пропагандистские материалы отбрасывать, полагая, что всё в них ложь, не нужно. Но предлагаемую ими информацию необходимо перепроверять, и использование пропагандистских материалов без учета контекста некорректно. А когда автор отметает как пропаганду материалы одной стороны, но при этом использует такие же материалы другой – действия некорректные вдвойне.

«Танчики и грабельки». Ревизионизм в военной истории

«У них был план»

Стандартной ошибкой людей, далеких от армии, является представление о том, что наличие военного плана само по себе тождественно намерению его осуществить. Это не так. В абсолютном большинстве случаев

войны начинают политики, а не военные (существуют исключения, например — военные действия в Манчжурии 1931 года, начавшиеся по инициативе командования Кватунской армии). Как говорил по этому поводу один из моих знакомых офицеров, «если хорошо покопаться в планах российского Генштаба, там можно найти даже план действий на случай военного конфликта с Австралией, однако это не означает, что министерство обороны вынашивает планы захвата пятого континента». Разработка штабами планов нападения или обороны – относительно рутинная практика, выполняемая для того, чтобы в случае агрессии это не пришлось бы делать в спешке.

Поэтому наличие подобных оперативных планов самих по себе не является для меня определяющей уликой. Они являются очень важным доказательством в общем контексте, но скорее говорят о том, что «рассматривалась возможность совершения данного действия», а не о том, что данное действие планировалось к выполнению и безусловно было одобрено руководством. Для того чтобы точно ответить на вопрос — готовило ли государство А нападение на территорию государства В необходимо не только изучать военные планы государства А, но и дать четкие ответы на множество вопросов — обсуждался ли политическим руководством государства А такой вариант развития событий, как складывались дипломатические отношения двух государств, создавалась ли необходимая для агрессии группировка войск и так далее.

Сверхмилитаризация как «доказательство» агрессивности

Часто встречающимся у ревизионистов аргументом при создании теории об «особенной агрессивности» той или иной страны является риторический вопрос — «а зачем тогда ей танков больше чем во всём остальном мире вместе взятом?/а зачем ей атомная бомба?/подставить по вкусу. Некорректность приёма в том, что ответ подразумевается очевидным, а собеседник в подтексте упрекается в том, что он не знает таких очевидных вещей.

Кстати об ответе на данный риторический вопрос. Если переформулировать его в прямое утверждение, то оно будет звучать так: чрезмерная милитаризация государства в отсутствии внешних угроз является однозначным признаком готовящейся агрессии. То есть, милитаризация может иметь только внешнеполитическое объяснение.

На деле (хороший пример – КНДР) сверхмилитаризация государства может объясняться и внешне- и внутривнутриполитическими причинами, а также — присущими этой стране особенностями исторического развития. И это не только страх перед народным восстанием и необходимость содержания огромной армии, чтобы его подавить. Сверхмилитаризация может быть использована для поддержания общества в состоянии постоянного мобилизационного стресса, что совершенно необходимо для того, чтобы

работали командные схемы управления экономикой и обществом (а другие схемы обществу «тоталитарного» типа неведомы).

Сверхмилитаризация может удовлетворять ведомственные интересы влиятельных элит — военно-промышленного комплекса. Ведь вес бюрократа определяется долей бюджета, которой он распоряжается. И так далее.

И наконец она может быть следствием «стресса от собственной истории», когда страна, территория которой многократно подвергалась в прошлом нападению или становилась площадкой для «разборок» других государств, предпочитает отгородиться от соседей огромным количеством оружия и внешне грозной и непобедимой армией, полагая что демонстрация военной мощи заставит потенциальных агрессоров отказаться от претворения в жизнь своих планов.

Отсюда ясно, что сверхмилитаризация в отсутствии адекватной внешней угрозы сама по себе не может быть доказательством агрессивных намерений. Это необходимое, но не достаточное условие.

«Преимущество обороны»

Частным случаем подобной манипуляции является распространенное у многих ревизионистов утверждение о том, что «мирное» государство должно готовить свои войска исключительно к оборонительному способу действий — то есть (как пример возьмем конечно же Резуна) «рыть окопы, строить линии укреплений, отгородиться от агрессора непроходимыми минными полями, заказывать заводам противотанковые пушки вместо танков, истребители вместо бомбардировщиков». Такие утверждения обычно оказывают достаточно сильное воздействие на читателя, знакомого с войной в основном по кинофильмам. Из них зритель выносит представление о том, что сидеть в ДОТах или окопах и отстреливаться от наступающего противника гораздо «удобнее», чем, сжав зубы, бежать в атаку на строчащий пулемет. К сожалению, изобразительные средства кино слишком скудны для того, чтобы показать всю мощь артиллерийского огня и ударов с воздуха, которые обрушиваются на позиции обороняющихся перед началом атаки. Если же подняться с тактического на стратегический уровень — то становится очевидно что пассивное сидение в обороне имеет важнейший недостаток, способный перевесить любые преимущества: неопределенность планов противника. Получив инициативу он способен незаметно накопить силы и нанести неожиданный удар там, где оборона наиболее слаба. «Оборонцы» любят приводить в подтверждение своих доводов пример Курской битвы, забывая о том, что а) в общих чертах план операции «Цитадель» был известен советской разведке задолго до ее начала, б) в отношении плотности обороны Курская дуга является уникальным примером и такой концентрации окопов и противотанковых пушек на километр фронта не создавалось никем и никогда за всю войну и уж тем более невозможно было создать подобные плотности на протяжении всей западной границы

СССР в 1941 году, в) и что, несмотря на высокие плотности и в целом грамотное построение обороны (артиллерийская контрартподготовка, активное использование авиации) оборона на южном фланге «дуги» была прорвана.

Если попытаться нарисовать портрет идеального «мирного государства» с точки зрения «оборонцев» — то нас получится необльшая страна, расположенная на полуострове с крайне небольшой протяженностью границы по суше. Желательно также, чтобы эта граница проходила по максимально труднодоступной местности, и чтобы у этого государства имелись достаточно могучие и верные союзники, готовые выступить на его стороне и нанести удар агрессору — иначе численное и техническое преимущество рано или поздно решат дело.

Из представлений о преимуществе обороны вытекает активно используемое не только ревизионистами, но и многими военными экспертами и политиками деление оружия на «оборонительное» и «наступательное», каковое предавал анафеме еще Уинстон Черчилль. «Автострадные танки» и «крылатые шакалы» Резуна уже навязли в зубах, но почему-то никого не удивляет, когда дипломаты, «прикрывающие» продажу зенитно-ракетных комплексов в одну из стран третьего мира, озвучивают нечто вроде «поставляемое вооружение носит исключительно оборонительный характер». Будут ли зенитная ракета, танк или истребитель использованы для очередной «отечественной войны» или для агрессии и разбоя — зависит не от их ТТХ, а от принятых политиками и штабистами решений. Танк и противотанковую пушку, противопехотную мину и гранатомет, самолеты и ЗРК можно с равной вероятностью успеха использовать и для нападения, и для защиты от оногo. Скажем, тот же зенитно-ракетный комплекс, стоящий «на страже мирного неба страны» мы смело назовем оружием «оборонительным». Теперь усложним задачу — представим себе тот же ЗРК, прикрывающий аэродром, на котором базируются самолеты, наносящие бомбовые удары по соседнему государству. Или его мобильный вариант, обеспечивающий оборону с воздуха танковой колонны на марше. Назовем ли мы такое оружие «наступательным» или «оборонительным»? Если привести уж совсем бытовой пример — один и тот же пистолет в руках полицейского является орудием защиты закона, а в руках бандита — орудием преступления.

Еще одним вариантом подобной манипуляции является сравнение военных потенциалов двух стран по одному параметру, например — государство А имеет всего 350 танков, государство В — 3500. На основании этого ревизионист делает вывод, что государство А было мирным и к войне не готовилось, в отличие от государства В, каковое по причине наличия у него крупных танковых соединений тут же зачисляется в «плохие парни». При этом, разумеется, ревизионист не сообщает читателю о том, что государство А в то время активно осуществляло программу развития флота и ежегодно спускало на воду от 10 до 20 военных кораблей, самый маленький

из которых стоил (и требовал металла) столько же, сколько полнокровная танковая дивизия. Не учитываются и географические особенности — у государства В имеется довольно потяженная сухопутная граница и для ведения войны ему необходимы крупные танковые соединения. Напротив, для государства А, расположенного на острове или не имеющего границ по суше с агрессивными соседями более актуальной задачей является контроль над океаном.

«Окопная правда»

Зачастую для работ ревизионистов (и не только их) характерно повышенное внимание к «нижнему этажу» военных действий, когда то или иное событие показывается с точки зрения «простого солдата». Прием этот также заимствован из кинематографа и используется для того, чтобы заменить у читателя/зрителя способность к рассуждению и анализу эмоциями, а зводно — максимально сузить его кругозор. Из известных у нас западных поп-историков этот метод довел до отточенного совершенства военный журналист Макс Хастингс в своей книге «Операция» Оверлорд». Как был открыт второй фронт». Сам по себе феномен «солдатской прозы» возник и стал актуальным лишь к концу 19 века, когда в единую точку сошлись всеобщая грамотность и всеобщая же воинская повинность. В низы армии начала проникать интеллигенция, у которой уже к тому моменту сформировался собственный и весьма специфический взгляд на проблемы жизни и смерти. «Мэйнстримом» стало разоблачение войны как явления античеловеческого и невыносимого для современного уровня развития цивилизации (при этом не всегда брались в расчет подлинные причины и цели ее ведения). В свою очередь эти взгляды, через литературу и публицистику, оказывали воздействие на общество в целом и формировали у солдат и младших офицеров тот взгляд на войну, который они впоследствии отражали в своих мемуарах.

Мемуары и интервью ветеранов, называющиеся в исторической науке «источниками личного происхождения», безусловно, должны использоваться — но следует помнить о том, что они имеют свои недостатки, как и любые другие источники. Важнейшим недостатком солдатских мемуаров является их крайняя субъективность — на войне, как известно, солдата больше всего волнует не победа, а куда более насущная проблема собственного выживания «в этой проклятой бойне». Взгляд на военные действия с этих позиций неизбежно приводит читателя к мысли о том, что «все генералы — мясники и сволочи», в то время как-то или иное действие, кажущееся жестоким с точки зрения посланного умирать солдата, на стратегическом уровне ведет к значительному снижению потерь. Характерным примером подобной аберрации является устроенная во время первой волны ревизии советской военной истории «обструкция» Жукову за наступления через минные поля «не считаясь с потерями». Никто из

критиковавших Маршала Победы почему-то не учел, что заминированные участки часто прикрываются огнем минометов и артиллерии и пассивно ожидающие снятия мин саперами войска несут куда большие потери от обстрелов и ударов с воздуха, чем от форсированных маршей через это самое минное поле. Якобы «экономившие жизни людей» союзники во всю использовали этот тактический прием. Маршал Брэдли в своих мемуарах «Записки солдата», ничуть не стесняясь, писал о приказе, который он отдал в ходе наступления на Тунис:

Но дорога на Бизерту сплошь усеяна минами, Омар. По ней не проедет и джип, пока саперы не расчистят ее.

- Тогда слезайте с грузовиков и направляйтесь пешком, но, черт возьми, вы должны быть в Бизерте.

Другим, не менее известным примером является решение советского командования переносе «центра тяжести» главного удара при форсировании Днепра с Букринского на Лютежский плацдарм. С точки зрения истекавших кровью на Букрине 40-й, 47-й и 27-й армий — решение крайне жестокое, но, если подняться на уровень выше — окажется, что их действия, отвлекшие внимание немецкого командования от переправы основных советских сил, позволили «сэкономить» огромное количество человеческих жизней для такой сложной операции.

«Ничего не нашли, значит не было»

Этот прием обычно используется ревизионистами фоменковского толка, когда речь идет о событиях древней или средневековой истории. Берутся (или домысливаются) действительно имеющиеся в наличии археологические данные о том, что на месте того или иного упомянутого в хрониках сражения не было обнаружено «мусора», типичного для района боевых действий (обломков мечей, деталей доспеха, наконечников стрел и человеческих останков со следами повреждений), и на этом основании делается вывод о том, что сражение а) либо происходило совсем в другом месте б) либо его не было вообще, в) данная хроника является позднейшей подделкой, а все ученые мужи, писавшие на ее основе свои трактаты должны в срочном порядке посыпать главу пеплом и преклониться перед ревизионистом. Ставка при этом делается на то, что читатель, чаще всего, не знаком ни с теоретической археологией (в частности с тем ее разделом который повествует о влиянии различных типов почв на сохранность), ни с реалиями рассматриваемого периода. Кроме того, до появления близких к современным технологий добычи, выплавки и обработки металла, изделия из него стоили недешево и тот «военный мусор», который не успевала забрать для своих нужд армия-победительница, живо растаскивали крестьяне для перековки на сельхозинвентарь.

Тем же методом, кстати, во всю пользуются многочисленные европейские ревизионисты — отрицатели Холокоста, делающие на

основании данных естественных наук утверждения вроде «в соскобах, взятых мною со стен газовых камер Дахау не была обнаружена достаточная концентрация синильной кислоты, следовательно это помещение не использовалось для уничтожения людей, а являлось обычной «вошебойкой».

«Метрология стволов»

Непрофессионализм ревизионистов часто ведет к тому, что при сравнении различных систем или различных образцов военной техники они выбирают не самые правильные параметры для сравнения, чаще ориентируясь на то, что лежит на поверхности и является интуитивно понятным на «уровне домохозяйки». Наиболее явно это видно при попытке сравнивать «две известные модели танков». Танк № 1 имеет лучшую броню, более мощное и более дальнобойное орудие, несколько большую скорость. Танк № 2 уступает первому по этим характеристикам, однако:

- - на нем стоят прицельные приспособления, позволяющие вести огонь гораздо более точно;
- - его система подвески сконструирована так, что из этого танка можно стрелять на ходу, в то время как танк № 1 должен остановиться, прицелиться, выстрелить и только потом возобновить движение;
- - он радиофицирован, что позволяет гораздо лучше управлять его маневрами в ходе боя;
- - он более приземистый, что делает его менее уязвимым для артиллерийского огня;
- - наличие большего пространства и рациональная компоновка танка № 2 позволяет увеличить экипаж его на одного человека, что дает командиру танка возможность спокойнее руководить боем, а при необходимости заменить раненого или убитого так, что танк не теряет боеспособность;
- - он имеет большой запас хода и несколько лучшую проходимость;
- - его система управления создана так, что научиться управлять этой машиной несколько проще.
- - в конструкцию танка № 1 заложены неверные инженерные решения, в результате которых его эксплуатация становится опасной для экипажа, а попадания в определенные точки, совершенно безопасные на танке № 2 способны полностью вывести из строя танк № 1.

В результате получается, что хотя по тем сравнительным характеристикам, которые обычно отмечают в таблицах сравнительных параметров военной техники, танк № 1 имеет лучшие показатели, а на деле в бою он однозначно проигрывает танку № 2.

Наконец, надо учитывать и фактор стоимости. Если для запуска новой модели военной техники нужно создать принципиально новые технологические линии, а время предвоенное, то скорее всего государство не пойдет на такие большие дополнительные затраты и примет на вооружение модель, которая, возможно, будет хуже, но серийный запуск которой потребует меньшего времени и меньших дополнительных вложений. Кроме того, если цена одного вражеского танка равна цене трех наших, то, несмотря на его возможные преимущества, более дешевая модель нам выгодна, ибо даже если соотношение потерь в танковой атаке составило два наших на один вражеский, мы оказываемся в выигрыше.

Иная ошибка анализа военной техники: оружие рассматривается вне боевых структур, в которые оно встроено. Например, много танков само по себе хорошо, однако им должно сопутствовать достаточное количество моторизованной пехоты, полевой и зенитной артиллерии, танковых тягачей, масло- и бензозаправщиков, подвозчиков снарядов и иной военной техники, обслуживающей «деятельность» танков. Без всего этого танки могут очень быстро превратиться в бесполезную грудку металла или же будут выбиты в первом сражении, не оказав никакого воздействия на противника. Да, ревизионисты очень любят говорить о том, что артиллерийские тягачи не нужны, если есть трактора, которые тоже могут тащить пушки. Но при этом не учитывается ни то, что скорость трактора в разы ниже; ни то, что на тракторе нет места для размещения снарядов и личного состава, который, к тому же, должен быть защищен от обстрела.

Определенной ошибкой является и сравнение военной техники вне общества и его структур, которые эту технику порождают и, наконец, вне экономических факторов влиявших на производство техники. Опытный образец того или иного советского самолета мог иметь великолепные характеристики, но после начала серийного производства, на них начинал оказывать влияние целый ряд понижающих факторов: нехватка алюминия, вследствие которой практически все истребители приходилось делать из дерева (а это снижало скорость), низкий уровень квалификации кадров промышленности (в результате мобилизации значительную часть имевшихся до войны промышленных рабочих пришлось в срочном порядке заменять женщинами и подростками-«фабзайчатами»), стремление максимально увеличить выпуск за счет удешевления конструкции, низкое качество «смежной» продукции (например — авиамоторов).

Еще одна ошибка – это недоучет цели, для которой создавался тот или иной конкретный образец военной техники. Например, один вариант истребителя может быть «оптимизирован» для того, чтобы вести бой с истребителями противника, делая ставку на высокую скорость и маневренность. Он защищает аэродромы и иные стратегические объекты, и ему, возможно, не особенно нужен большой запас хода. Другой вариант истребителя тоже рассчитан на бой с истребителями, но при этом его задача – сопровождение тяжелых бомбардировщиков на дальние дистанции и их

прикрытие в бою с истребителями противника. Здесь, наоборот, очень важна способность длительное время находиться в воздухе. Третий тип истребителя рассчитан, в первую очередь, на бой не с другими истребителями, а на способность в одиночку сбить тяжелый бомбардировщик: это диктует иное вооружение и другие приоритетные требования. Или: тяжелый «Тигр» создавался, в первую очередь, как танк прорыва и усиления, поэтому сравнивать его напрямую со средними Т-34 и «Шерманом» в общем-то не совсем корректно. Абстрактной модели истребителя или танка, как и иной военной техники, не существует. Любой ее образец предназначен для выполнения определенных задач и это надо четко понимать при сравнении их ТТХ.

«Умный, как моя жена потом»

Очень часто ревизионисты и поп-историки навязывают читателю выводы о состоянии разведки или боевого планирования, опираясь на имеющийся на сегодняшний момент комплекс знаний о том или ином эпизоде военных действий. Например — штаб А готовился отразить атаку на южном направлении, в то время как полководец В провел обходной маневр и нанес удар с северо-запада, что привело к окружению и взятию в плен трех армий. Вывод — в штабе А сидели сплошные идиоты. При этом не учитывается что сведения, известные сегодня военным историкам, отнюдь не были собраны в тоненькую папочку и положены в нужное время на стол в штабе А и что по совокупности имевшихся у этого штаба данных действительно следовало ожидать удара с южного направления, и что полководец В мог провести серию обманных маневров и ввести в заблуждение разведку штаба А, а также множество других факторов. Такой подход к военной истории можно сравнить с компьютерной игрой, в которой человек выступает против искусственного «псевдоинтеллекта», вооруженного стандартным набором ходов. В жизни же, полководец В, как правило, обладает не меньшим IQ, чем стратеги из штаба А и вполне способен их «обыграть».

«Разведка доложила точно»

Миф о разведчиках крадущих секретные документы из Самых Важных Сейфов целиком и полностью заимствован ревизионистами из кинематографа. В реальности разведка чаще всего питается обрывочными сведениями с «нижнего» и «среднего» этажей и создаваемая в ее отчетах картинка далеко не всегда соответствует истине. Более того — одновременно с «нашей разведкой» активно действует и «их» контрразведка, которая далеко не всегда тупо вылавливает и расстреливает у стенки «наших» агентов, а гораздо чаще затевает с ними собственную игру, поставляя ложные сведения. Политическое и военное руководство прекрасно осведомлено о

специфике шпионского ремесла и склонно испытывать к данным разведки определенную и вполне объяснимую степень недоверия. Именно с этой позиции и надо рассматривать все рассуждения о том, что «Рихард Зорге предупреждал, но его не послушали». Как наиболее характерный пример можно привести начало операции «Тайфун», когда немцы скрытно перебросили из-под Ленинграда 4-ю танковую группу, но оставили на месте радиста с уже известным советской разведке «почерком работы». По данным радиоперехвата танки Гепнера находились под Ленинградом, в то время как они уже всю готовились нанести удар южнее шоссе Ярцево-Вязьма. Результатом этого промаха советской разведки стал прорыв обороны 24-й и 43-й армий и окружение 600-тысячной группировки.

«Воевать не числом а умением»

К этой фразе Суворова почему-то всегда забывают добавить ее расширительное толкование, что-то вроде — «а умение заключается в том, чтобы создать численное превосходство на решающем участке». Другой великий полководец того времени — Наполеон Бонапарт, формулировал принцип победы совершенно иначе: «Бог на стороне больших батальонов». Укорененность мифа о «военной элите» в массовом сознании основан опять-таки на кинематографе, в котором единственный супербоец способен уничтожить чуть ли не целую армию. Однако реальная уличная драка отличается от китайского кунг-фу боевика именно тем, что в жизни, пока двое будут отвлекать внимание мастера, третий прокрадется сзади и воткнет ему нож в спину.

Действительно — как бы не были хорошо подготовлены и вооружены солдаты армии А, если армия В превосходит ее в численности хотя бы в соотношении 4 к 1, армия А проиграет войну, даже нанеся противнику относительно высокие потери. Говоря о «маленьком отряде Кортеса, сокрушившем гигантскую армию Монтесумы» мы забываем о нескольких десятках тысяч тласкаланцев, ненавидевших ацтеков и сражавшихся на испанской стороне. Любая война — это именно «заваливание мясом», весь вопрос заключается в том, чтобы «мясо» возымело нужный эффект. Если рассматривать эту ситуацию на относительно локальном примере войны в воздухе 1939–1945 гг, то мы увидим что пилоты всех стран-победительниц имели относительно невысокие (в пределах сотни) личные счета, в то время как у пилотов проигравшей стороны количество сбитых могло зашкалить аж за 300. В обоих случаях играл роль один и тот же фактор — в ходе боевых действий подготовленная до войны «дорогостоящая» элита постепенно стачивалась о «серые массы» противника и теряла возможность оказывать какое бы то ни было влияние на дальнейшее развитие событий. При этом Германия и Япония не имели в запасе методик быстрой подготовки небесного «пушечного мяса» и не успевали своевременно восполнять потери,

что в итоге и привело к анекдотической ситуации «а воздушной поддержки не будет — летчик заболел».

Объясняется же сложившееся соотношение потерь довольно просто: во-первых сторона, имевшая меньше летчиков и самолетов была вынуждена использовать их более интенсивно и им приходилось делать в несколько раз больше боевых вылетов, чем летчикам противника, во-вторых — при численном превосходстве противника в воздухе, пилот имеет куда больше шансов найти себе потенциальную «мишень» для расстрела. Но стратегия «лучше меньше да лучше» в конечном итоге всегда ведет к поражению, а нанесение высоких потерь противнику в этом случае можно сравнить разве что с лихорадочным румянцем умирающего.

«Вопиющий патриотизм» или «козьмакрючковщина»

Льстить обывательскому желанию прочитать о том, что «наша мама лучше всех» — один из любимых методов ревизионистов. Иногда подобные вещи используются для того, чтобы подсадить читателя на «кукан» собственной искаженной логики, иногда — просто для написания легко читаемой беллетристики на военно-историческую тему, чтобы «лучше продавалось». В первом случае за утверждением «русские перед войной создали супертанки, равных которым не было ни у кого» следует жесткая насадка на крючок «но эти идиоты так и не смогли их правильно применить летом 41-го», во втором мы имеем совершенно далекие от исторической правды байки небезызвестного Тараса-"Миллера" о вымышленных подвигах советского спецназа в Африке и во Вьетнаме.

Частным случаем этой «козьмакрючковщины» является создание и развитие мифа о спецподразделениях как о пехоте с «улучшенными характеристиками», каждый из бойцов которой способен, по выражению поэта Твардовского, «русской ложкой деревянной восемь фрицев уложить». В реальности «спецназы» являются как раз «облегченной» версией линейной пехоты, причем их подготовка и комплекс вооружения обычно «затачиваются» под выполнение строго определенного типа боевых задач. Оказавшись в ситуации, с которой обычная пехота вполне способна справиться (например — удержание оборонительного рубежа под атаками противника, поддержанного танками и авиацией), «спецназы» зачастую пасуют или несут неоправданно высокие потери.

Логические ошибки/ошибки в доказательном аппарате

Далее разберем ошибки и приемы, связанные с процессом доказывания своей правоты. Большинство описанных тут методов — широко известные риторические и софистические приемы, и там, где у него есть известное латинское название, я постараюсь их приводить:

Подмена сути спора / qui pro quo

Данный прием очень хорошо иллюстрируется на примере деятельности желающих пересмотреть Холокост. Берется принятое определение холокоста как итога деятельности гитлеровцев, направленной на планомерное физическое уничтожение целых народов исключительно ввиду их «расовой неполноценности». Однако в ходе развития темы термин «холокост» начинают трактовать не как «гитлеровцы собирались уничтожить весь еврейский народ, целенаправленно занимались этим и немало в этом преуспели», а как «гитлеровцы отравили газом 6 миллионов евреев в своих концлагерях и сожгли их тела в крематории Освенцима (то есть, Именно 6 млн и Именно в крематории Освенцима)». Оспаривая уже это утверждение, ревизионисты находят факты, которые делают его не бесспорным (возможно, не 6 миллионов, а меньше — 4–5... из них в лагерях газом — не 90 процентов, а одну четверть, а остальных голодом и пулей...) после чего отсутствие доказательств осуществления массовых казней указанными выше способами приравнивается ими к отсутствию доказательств планирования геноцида вообще. Между тем то, что старушку убили не лезвием топора, как кажется многим, а его обухом, не снимает с Раскольниковца обвинения в убийстве.

Исчезающее «возможно»

Этот прием хорошо используется в больших по объему текстах и выглядит так. В начале работы автор выдвигает некое предположение, безусловно, оговаривая тот факт, что оно является гипотезой, вероятно, одной из многих. Однако затем предположительность этой гипотезы перестает упоминаться, и автор начинает оперировать этим предположением так, как если бы оно уже было доказано. Более того, нередко этот тезис становится основой для серии новых предположений, которые также подвергаются подобной трансформации, превращаясь из гипотез в аксиомы.

Этот прием хорошо разъясняется на примере пассажей Резуна в отношении автострадных танков. Сначала делается предположение, что литера «А» в названии танка означала «автострадный» (на деле это литера прототипа, но так как у нас как и на западе действительно часто используют акронимические сокращения, это принимается на веру), после чего Резун постепенно превращает предположение в доказанный факт, и на базе этого «факта» строит свое заключение — раз в РККА было столько автострадных танков, значит воевать планировали по шоссе и т. д. и т. п.

Error in definition /Некорректное использование терминов

И для осознанных, и для неосознанных ревизионистов характерно игнорирование технических тонкостей и использование термина в

некорректном значении. Дилетанты очень часто путают тактический союз и военный блок, оккупацию и аннексию, не говоря уже о военно-исторической терминологии.

Вариант посложнее: если в определенной ситуации не снабжать термин разъяснениями, то аудитория воспринимает его значение «по умолчанию». Возьмем, например, «Рамочное соглашение» 1994 г. Слово «соглашение» по умолчанию указывает на то, что между двумя сторонами состоялась некоторая формальная и зафиксированная договоренность и потому обвинение Северной Кореи в том, что она его нарушила, закладывает в массовое сознание установку: «КНДР – нарушитель международного права». То, что это Соглашение в действительности было джентльменским, что с дипломатической точки зрения его следовало бы именовать «рамочной договоренностью», и что Соединенные Штаты тоже нарушили его со своей стороны, в массовом сознании не откладывается.

Хороший вариант игры терминами встречается у Буровского, когда он говорит о евреях. Вначале он грамотно разграничивает евреев по крови, евреев по обычаю и евреев по вере, однако там, где ему это нужно, это разделение исчезает, и коммунисты еврейской национальности, ушедшие в революцию именно для того, чтобы избавиться от местечковой самоидентификации, превращаются у него в экспериментаторов, желавших воплотить в России «еврейский племенной миф».

Другой пример связан с яростными попытками корейских националистов убрать из чужих учебников истории фразу о том, что Корея «была вассалом Китая». Здесь проблема действительно в том, что отношения «служения старшему», которые связывали Корею с Китаем, могут восприниматься как аналог европейского вассалитета, но отнюдь не являются его полной копией. Между тем, не получающий должного разъяснения этого читатель автоматически подстраивает под слово «вассал» европейскую модель отношений. То же самое касается дальневосточного «рабства», которое отличается от классического римского хотя бы тем, что дальневосточный раб не имел статуса «говорящего орудия», а его труд не был основным средством производства.

Еще один пример связан с определением понятия «русская угроза», о которой любят рассуждать южнокорейские националисты применительно к событиям XVII в. Они называют угрозой любые действия казачьих отрядов (заметим, разрозненных и не имеющих центрального командования), появление которых в Приморье могло рассматриваться как потенциальная угроза интересам Кореи. Однако для российских исследователей, которые понимают этот термин ближе к его значению в политическом контексте, «русская угроза» означает наличие у России конкретных планов по захвату Кореи, существовавших на государственном уровне, и проведение по этому поводу целенаправленной внешней политики. Таких планов у российского правительства не было.

Кстати: это различие деталей понимания оказывается очень важным, когда мы пытаемся разобраться в том, почему те или иные явления или общественные институты воспринимаются превратно. Надо учесть и то, что для разных авторов одно и то же слово может иметь разное значение и разную коннотацию. Именно поэтому я специально оговариваю в данном тексте, что слово «дилетант» не имеет для автора этого текста пренебрежительный оттенок. То же самое касается слова «националист», которое для одних участников дискуссии может означать констатацию позиции автора, но воспринимается другими как «навешивание ярлыков».

«Измерение алгеброй гармонии»

Для меня эта перефразированная цитата из Пушкина означает попытки проанализировать действия того или иного лица с точки зрения абсолютно чуждой ему (или, как минимум, не свойственной) логики и этики. На подобном принципе было, например, построено шутейное обвинение Шекспира в пропаганде педофилии, так как «в его пьесе «Ромео и Джульетта» поэтизируется и романтизируется связь между половозрелым юношей и тринадцатилетней девочкой». На фоне современной свистопляски вокруг «детской порнографии» это обвинение выглядит очень острым, если забыть о том, что для того времени 13 лет были вполне нормальным брачным возрастом (мать Джульетты в ее годы уже была беременна), и «половозрелый» Ромео был половозрелым по меркам именно того времени, хотя в современном контексте эта фраза заставляет подумать о том, что юноше было 18+.

Но в применении к тактике ревизионистов здесь речь идет о том варианте навешивания ярлыков, при котором телега ставится впереди лошади: вместо анализа фактов и попыток на базе этого анализа выяснить мотивации сторон или политических деятелей, фальсификатор истории сначала приписывает объекту определенные мотивации и свойства, а затем подгоняет под них факты и характеристики. В этом случае даже искреннее и полное нежности письмо к матери, написанное политическим лидером, может быть представлено как пример притворства коварного человека. А факт того, что США ограничивали поставки оружия южнокорейскому режиму из опасения, что он втравит Америку в военную авантюру, рассматривается как часть изощренного плана – янки намеренно ослабляли Юг, чтобы Север уверовал в возможность безнаказанной агрессии, и США получили бы предлог для новой войны с коммунизмом.

Еще пример – трактовка различными политическими силами действий правительства РФ. Оголтелая часть националистов, для которой аксиоматично то, что в Кремле засела «жидовская власть», трактует все действия этой власти как часть плана по развалу страны в интересах Израиля и его союзников, а равно иных этнических диаспор в ущерб русскому народу. А либеральные организации видят в этом же процессе становление

фашистского и антисемитского режима, потворствующего националистам и поддерживающего ксенофобию.

Разновидность этого приема – применение современных моделей к прошлому, примененное, например, на Украине сторонниками оранжевого мифа в отношении Януковича. Нарисованная оппозицией история о бандите и насильнике, который сумел откупиться от правосудия, запугав потерпевшую и свидетелей, соответствует не ситуации конца 1960-х, когда Януковича привлекали к уголовной ответственности, а середине 1990-х, когда такой беспредел стал нормой жизни. Однако, транслируя на прошлое ситуацию, часто встречающуюся сегодня и задевающую за живое широкие массы населения, оппозиционеры добились нужного эффекта.

К этому близок следующий прием -

«Мог хотеть, значит – сделал»

Речь идет о приписывании кому-то определенных действий на основании того, что теоретически данные действия могли бы быть совершены этим лицом. Так, некоторые «демократические историки», доказывавшие существование секретных переговоров между гестапо и НКВД и использовавшие в качестве доказательства документ с явными признаками фальсификации, упирали в первую очередь на то, что поскольку из-за сходных людоедских взглядов чекисты и гестаповцы могли сотрудничать, было бы странно предположить, что они этого не делали. Эту ошибку можно было бы рассмотреть как частный случай «измерения алгеброй гармонии», но, с моей точки зрения, речь скорее идет о том, что в качестве доказательства совершения преступления используются даже не преступные намерения, а вероятность того, что такие намерения могли возникнуть.

Историк может предполагать о наличии подобной мотивации у человека, но если она никак не подкрепляется контекстом или иными фактами, он должен оговорить, что такая мотивация – его гипотеза.

Игнорирование случайности

Уклон ревизионистов в сторону конспирологии порождает в них уверенность в преднамеренности любых событий. То есть, если видный политический деятель разбился на машине, это не могло случиться из-за того, что перебрал водитель или возникли неожиданные технические неполадки – контргайку кто-то специально открутил. Если из-за падежа скота на какой-то животноводческой ферме пошел быстро разросшийся слух о коровьем бешенстве, страна с сельскохозяйственной экономикой потеряла прибыль от экспорта мяса, после чего в результате серии последовавших в связи с образовавшимся дефицитом бюджета наступил правительственный кризис, то всё развитие событий, конечно, было хладнокровно просчитано «Фининтерном», агенты которого сначала отравили скот, потом разнесли

слухи и т. д. для того чтобы прибрать страну к своим рукам. Проблема в том, что планы подобного рода, если вдуматься, требуют такого уровня стратегического планирования и контроля над ситуацией, который крайне маловероятен для современного общества. Кроме того, в условиях нынешнего информационного общества далеко не всегда удастся раскрывать аферы и преступления методом «Кому это выгодно более всего?», ибо таковых может оказаться достаточно много.

Приведу пример, который уже не раз приводился. Есть два мелких полукриминальных коммерсанта – русский и нерусский, которые не поделили ларёк. Русский заказал убийство своего нерусского конкурента и для того, чтобы увести следствие в сторону, велел киллерам оставить в трупе топор со свастикой на топорнице. Ларек теперь его, но образовавшееся громкое дело принесло выгоду не только ему. Во-первых, местные правозащитники и борцы с ксенофобией «получили» яркий пример убийства на национальной почве, которым затем можно оперировать в своей деятельности в борьбе за права граждан, против реставрации фашизма и т. д. Во-вторых, местные силовики получили громкое дело, и его раскрытие станет гораздо большей заслугой, чем раскрытие какой-нибудь «бытовухи». В-третьих, у журналистов появился хороший информационный повод для целой волны публикаций, которые сильно поднимают уровень шума. В-четвертых, даже у «борцов с нерусскими» появляется доказательство того, что кто-то, видимо, из их тусовки, наконец-то перешел от слов к делу.

Некорректное сравнение точек зрения, отстоящих друг от друга во времени

У ревизионистов — это сопоставление того, что писалось о данном событии, скажем, в 1944 г. и что в 1985 или 2000 гг. Поскольку оказывается, что писали разное, то это толкуется как доказательство фальсификации.

Здесь сказывается целый ряд ошибок в методологии ревизионистов. Во-первых, игнорируется тот факт, что со временем возрастают технологические возможности науки, в оборот вводятся новые факты и документы, в результате чего представление о событии или явлении оказывается более полным. Ревизионисты же полагают, что информация, полученная по горячим следам или при непосредственном контакте с событием, является наиболее достоверной, в то время как более поздние исследования представляют собой искажение действительности в угоду мифам.

По сути, это представление основывается как раз на том, что не представляющие себе возможности методологии источниковедения ревизионисты меряют профессиональных историков по себе и потому считают, что позднейшие исследователи не способны восстановить картину произошедшего.

Во-вторых, ревизионисты забывают про то, что точка зрения одного и того же историка на некоторые события тоже может меняться под влиянием смены концепции или введения в научный оборот новых фактов. Я, например, достаточно хорошо представляю себе, какие ошибки были допущены мною в моих ранних работах по истории оружия, но это абсолютно не значит, что уже тогда я все знал, но я намеренно вводил людей в заблуждение. Около пятнадцати лет назад, когда я писал это исследование, многие факты и материалы, которыми я располагаю сейчас, не были мне известны. Тем не менее, такая совершенно нормальная ситуация в работе исследователя интерпретируется ревизионистами как «неопровержимое доказательство намеренной фальсификации».

Целая серия приемов манипуляций построена на ложных аналогиях или ложных причинно-следственных связях. Наиболее явный пример такого передергивания — **post hoc non est propter hoc**, или **принятие временной последовательности событий за причинно-следственную связь между ними**.

То, что событие Б случилось после события А, воспринимается как безусловное доказательство того, что оно произошло вследствие события А. Так, по мнению одного из сторонников существования жидомасонского заговора, то, что в 1240 г. Русь одновременно подверглась нападению и с Запада, и с Востока, неопровержимо свидетельствует о наличии между монголами и тевтонцами скоординированного плана действий, направленного на раздел страны. А поскольку евреи проживали и на тевтонской, и на монгольской территориях, то совершенно ясно, кто именно обеспечивал связь между этими двумя силами и координировал их действия. Та же аргументация применяется и для доказательств всевозможных «планов Сталина».

Другим вариантом создания ложных аналогий является

Использование явных, но некорректных аналогий по внешним признакам

При анализе события выбираются некие сходные черты, на основании наличия которых одно событие или явление приравнивается к другому. При этом игнорируются как обстоятельства, которые привели к внешне сходным явлениям, так и их причины или частотность.

Классическим примером логической ошибки такого рода является доказательство того, что кошка и собака – одно и то же на основании того, что и та, и другая имеют 4 лапы, 2 глаза, покрыты шерстью, питаются мясом, могут махать хвостом и способны кусаться. Ревизионисты делают то же самое, утверждая, что раз немцы и советская армия практически одновременно в 1939 г. заняли Польшу (точнее, мы – Западную Украину и Западную Белоруссию), между советскими и немецкими ее захватчиками нет никакой разницы.

Экзерсисы с лингвистикой

Особое место среди ложных аналогий занимают попытки находить в определенных языках сходные фонетические конструкции и выдавать их за доказательство языковой связи или культурного влияния. Заметим, что искать сходное весьма соблазнительно, и для того чтобы переломить эту тенденции в отечественной лингвистике, в свое время потребовалась статья товарища Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».

Семь основных признаков передергивания такого типа хорошо изложены А.А. Зализняком в лекции «О профессиональной и любительской лингвистике» на фестивале науки в МГУ 11 октября 2008:

1. Звук А может переходить в звук Б без уточнения языка и периода времени.

2. Гласные не имеют значения, существенен только костяк согласных (в любых языках).

3. Слово А получилось в результате обратного прочтения слова Б.

4. Такая-то древняя надпись из той или иной страны читается по-русски.

5. Название А какого-то города, какой-то реки, или той или иной дальней страны – это просто искаженное слово Б, из чего видно, что эта страна когда-то была населена русскими или они овладели ей.

6. Такие-то языки произошли из русского, того, на котором говорим мы с вами.

7. 3000 или 5000 или 10000 или 70000 лет тому назад русские, именно русские, а не их биологические предки, общие с другими народами, делали то-то и то-то.

Кстати, корни российских игр с географическими названиями лежат еще в норманнской теории происхождения Русского государства. Тогда немецкими учеными было модно выводить русские названия городов и весей из немецких. Впоследствии эту тему подхватили славянофилы в пылу полемики. Читая Хомяковскую «Семирамиду» (где встречаются «Перигор»-пригорье и многие другие «доказательства»), книгу Нечволодова «Сказания о Земле русской», где нас также выводят от Атиллы и даже от мимирдонян Ахилла, или 4-х томник «История России» для солдатских рот и т. д. встречаешь замечательные перлы, достойные Фоменко.

Но среди «соратников товарища Марра» — и Чхве Намсон, который, используя звуковые совпадения, доказывал, что представители корейской цивилизации основали Персию и Бухару; и господин Щербаков, который известен выкладками об этрусском происхождении славян и попытками читать их надписи, используя современный русский язык; и господин Закиев, который, пытаясь доказать культурное влияние древних тюрков на район Древней Скифии, считает греческое слово «понт» (море) вовсе не греческим, а тюркским, приводя в качестве доказательства этого похожее звучащее тюркское слово, означающее «суп» или «похлебка».

Похожие доказательства использовал и Герасим Югай, который «предположил», что сопка Ариран находилась на сопредельной территории древней Руси и Казахстана — между Аркаимом (Приуралье) и Аральским морем. При этом автор концепции считает, что слово «Арал» по-корейски звучит «арар», то есть, как двойное арийство, и выстраивает единую линию: Арийство протославян — Аркаим прототюрков — Ариран протокореицев. Название русской реки Амур у него тоже корейского происхождения (от «А-.. мурио (ага, вода)!») Однако, хотя Югай утверждает, что в Корее нет местности под названием «Ариран», в северной части Сеула есть сопка с таким названием. Аральское море по-корейски пишется и произносится не как «арар», а как «Арал хе (море)», река Амур в Корее называется «Хыкренган», т. е. как «река Черного дракона», а само слово «Амур» является русифицированным вариантом монгольского названия «Харамурэн» («черная река»).

Выдача частного за общее и стихийного за направленное

Разновидностью сравнения по внешним признакам является *pars pro toto* «часть вместо целого», когда частное выдается за общее, исключение — за правило, а «отдельные проявления» или «стихийные действия» — за разработанный сверху и претворяемый в жизнь стратегический план. Прием этот очень активно используют историки-демократы из числа советских корейцев, выдающие перегибы на местах за доказательство сталинской политики геноцида корейского населения Приморья, но особенно четко это видно на примере взбивания пены вокруг поведения Советской армии на оккупированных территориях в попытке показать, что мы и фашисты, как минимум, стоили друг друга.

При этом из внимания выпускается, что поведение немцев было, по сути, санкционировано вбитыми в гитлеровскую идеологию правилами отношения к «неполноценным расам», в то время как аналогичные действия советских солдат были стихийными и носили реакцию «встречного озверения», вызванную поведением немецких войск на советской территории в сочетании с некорректным пониманием лозунгов «Око за око!». Известно по документам, что такие действия не поощрялись, а преследовались командованием. Однако ревизионисты представляют набранные факты представлялись именно как деталь государственной политики, целью которой было не только «дать солдатам развлечься», но и окончательно подорвать дух немцев посредством массовых изнасилований.

Этот же прием виден в сравнении красного и белого террора, но здесь обе стороны заявляют, что «у нас» были стихийные акты народного возмущения, а «у них», — политика, иллюстрирующая всю суть режима.

Похожая ситуация бывает, когда о позиции страны по тому или иному вопросу судят по подборке цитат из высказываний политических деятелей. Например, ряд левых историков, по-прежнему воспринимающих Корейскую

войну как глобальную провокацию американского империализма, приводит в качестве доказательств высказывания различных американских политиков, похожие на выступления Ли Сын Мана и иных представителей руководства РК. Высказывания эти действительно весьма симптоматичны, но однозначным доказательством они все-таки не являются.

Почему? по сравнению с авторитарной системой «демократическая» допускает гораздо больший плюрализм/разногласицу. Свобода слова проявляется не только в том, что разные представители власти могут по одному и тому же вопросу высказывать разные точки зрения, но и в том, что разные ветви власти в одном и том же вопросе могут придерживаться разной политики. При этом подобная некоординированность является проявлением дезорганизации, а не особого коварства. Иное дело, что люди, выросшие в условиях более авторитарного строя, в котором такая разногласица маловероятна, недопонимают происходящее.

Это касается и высказываний различных представителей власти США по корейскому вопросу. То, что они говорили, в большей степени рассматривается как частное мнение или мнение той или иной заинтересованной группы, но представлять себе, что высказывания даже такой высокопоставленной персоны как Макартур тождественны официальной точке зрения американской администрации, значит ошибаться. Помимо первых лиц государства, «от имени страны» говорит только министр иностранных дел. Высказывания этой тройки не могут быть дезавуированы.

Такую же ошибку совершают и западные политологи, которые берут высказывания российских политиков маргинальной или полумаргинальной направленности (включая В. В. Жириновского), и, жонглируя выражениями типа «известный и популярный в России политик», выдают данную частную точку зрения за политику российского правительства. Другой вариант этой ошибки или преднамеренной манипуляции – история с публикацией в определенном сегменте Интернета антирусской и экспансионистской статьи с некоего китайского сайта с подтекстом «Вот что китайцы думают о нашей стране и вот какие планы они строят». Так как ссылка на сайт имелась, кто-то из владеющих китайским языком не поленился на него заглянуть и выяснил, что означенный сайт является фактически домашней страницей двадцатидвухлетнего молодого человека.

Разновидностью этого приема является и то, что мы часто наблюдали в советское время, когда инициативы советского руководства «встречали поддержку и одобрение во всем мире»: приводился большой список поддержавших их людей обычно из числа политиков или деятелей культуры, однако не всегда было понятно, каким весом данный человек обладает в своей стране и кого кроме себя он представляет. Правда, подобный прием пропаганды характерен не только для Советского Союза и распространен довольно широко.

Некорректное использование «белых пятен»

В рамках этого приема трактуются в выгодном свете лакуны в источниках. Обычно вариантов два. Первый вариант этого приема можно выразить фразой "Да, Сталин этого не говорил, но имел в виду». Он связан с игнорированием стандартного методологического приема, заключающегося в том, что если в источнике что-то не упомянуто, то этого, скорее всего, не было, и «бремя доказательства» ложится на того, кто хочет доказать обратное. Подход, практикуемый ревизионистами, сводится к тому, что если данные факты не встречаются в источнике, это не означает, что их не было вообще.

Другой вариант — уже упомянутый принцип западноевропейских ревизионистов «не упомянуто /запротоколировано, значит — не было», связанный с ложным приоритетом одного корпуса источников над другими.

К сожалению, для историков, письменные приказы, в которых открытым текстом предлагалось убивать гражданское население штыками и мотыгами, чтобы не тратить на это дорогостоящие патроны, отдавались только в Руанде или Кампучии времен Пол Пота. Однако западные ревизионисты используют это как аргумент, считая, что, поскольку прямых приказов сжигать евреев никто не отдавал, а показания свидетелей слишком сумбурны и противоречат друг другу, геноцид не доказан. Между тем, отсутствие точного описания технологии уничтожения людей отнюдь не является доказательством отсутствия самого факта уничтожения, который вполне подтверждается хотя бы фотографиями тел или раскопками массовых захоронений.

Так, на том основании, что в воспоминаниях Марка Поло ничего не говорится ни о китайских иероглифах, ни о китайском чае, ни о Великой китайской стене, ревизионисты делают вывод о том, что всего этого не было. Даже если опустить то, что Марко Поло был в Каракоруме, который находится достаточно далеко от китайской стены, такая аргументация является хорошим примером вышеназванного приема.

Но одно дело — когда в текстах опускаются моменты, которые автору текста кажутся сами собой разумеющимися (по данному поводу можно вспомнить высказывание Борхеса относительно количества верблюдов и минаретов в романах о Востоке арабского и неарабского автора, суть которого заключается в том, что когда об этом пишет неарабский автор, он многократно упоминает о них обязательно потому, что они бросаются ему в глаза и служат, как говорил Остап Бендер, «восточным орнаментом»; для арабского же автора они настолько привычны, что он может не упоминать о них вовсе). Понимание того, о чем умалчивается, входит в понятие «профессиональная подготовка историка», ибо иначе можно смело развивать идею о том, что древние греки сражались, стоя на одной ноге, ибо нигде не упомянуто, что они при этом переступали с ноги на ногу. Другое дело —

когда ревизионисты утверждают, что приводимые ими «факты» не упоминаются в летописях, но это не значит, что их не было.

Противоречие между де юре и де факто

Наконец, есть вариант некорректного сравнения, когда ситуацию де-юре противопоставляют ситуации де-факто, делая из этого далеко идущие выводы.

Как мы уже говорили, при анализе законов и постановлений можно впасть в две крайности. Или закон объявляется чисто формальным и постулируется то, что на деле его и не думали выполнять, а принимали исключительно в обманных целях, или из факта принятия закона делается вывод, что он исполнялся повсеместно и без перегибов.

Безусловно, принятие закона не гарантирует его адекватного исполнения. Однако этот момент проверяется дополнительно, так как связан с состоянием административной системы. Нередко законодательная инициатива оказывается в лучшем случае благим намерением. Однако сам факт принятия закона/постановления, регулирующего ту или иную проблему, есть однозначное свидетельство того, что власть обращает на нее внимание.

Психологическое воздействие на читателя

За приемами манипуляции, которые основаны на логических ошибках, идут приемы, которые я бы назвал психологическими манипуляциями, воздействующими, в первую очередь, на личность читателя. В общем, *argumentum ad hominem*.

Использование эмоционального окрашивания текста

Как правило, это или возбуждение ненависти, или игра на сочувствии.

Возбуждение сочувствия отчасти связано с тем, что в условиях нынешней моды на политкорректность сочувствовать принято проигравшим, и это — один из факторов, связанных с романтизацией образов белогвардейцев и замалчиванием неприглядных сторон их деятельности. По сути, тот же процесс в определенной мере касается левых (условно прокоммунистических) партизан, действовавших в Южной Корее конца 1940-х — начала 1950-х годов, хотя здесь их романтизация связана с выходом из тени и открытием публике достаточно ужасающих фактов: так, во время подавления мятежей на острове Чечжудо процент жертв среди гражданского населения был сравним с аналогичными потерями в Белоруссии во время Великой Отечественной войны.

Возбуждение ненависти хорошо видно по работе одного из демократических историков, посвященной сравнению белого и красного террора. Статистика красных, убитых белыми, дана коротко, языком сухого

отчета. Теме убитых белых автор посвящает гораздо больше места, и при этом рассказывает душераздирающие истории, не приводя о конкретные цифры. В результате получается, что 3–4 случая описанных ими зверств красных как бы приравниваются автором к тысячам красных, убитых белыми. Более того, яркие образы пыток и казней белых в сочетании с тем, что им в книге посвящено гораздо больше места, создают и окончательно закрепляют в памяти читателя тот факт, что красный террор был несравненно хуже.

Использование стилистического окрашивания текста

Здесь речь идет о тех приемах, которые очень любят использовать на письме адепты нейролингвистического программирования и прочих «технологий успеха». Во всяком случае, профессиональный историк, увидев избыточный выделением большими буквами пассаж типа:

Вы нам тут под соусом «борьбы с конспирологией» проталкиваете несуществующее, якобы отсутствие у организованного еврейства единой политики и пары-тройки обманных идеологий через которые она проводится.

Или несуществование во многом общей (и объединяющей даже дальние страны) идеологии-религии среди мусульман, которая заставляет их считать (в ТОЧНОСТИ как и евреев, они вообще как близнецы-братья, часто неотличимы) что живущий за тысячи миль единоверец ближе чем сосед по улице.

НЕ ПОДПИХИВАЙТЕ через абстракции ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЛОЖЬ. Потому что именно для уничтожения ЛЕГИТИМНЫХ и ОЧЕНЬ ХОРОЩО ПОДТВЕРЖДЕННЫХ ДОКУМЕНТАМИ точек зрения и выдуманы политическими проститутками от истории отсылки к «теориям заговора». Типа, о чем там вообще говорить. Точка. Немедленно стоп.

— сразу понимает, с чем он столкнулся.

Пристрастное описание фактов,

...достигнутое чисто за счет словесной эквилибристики и прекрасно изложенное в анекдоте про то, как советский комментатор описывает состязания в беге президентов СССР и США: «*Наш президент занял почетное второе место и серебряную медаль, в то время как американский пришел к финишу предпоследним*». По сути, это разновидность рефрейминга как «создания новой реальности изменением системы отсчета», в рамках которого стакан уже не наполовину пустой, а наполовину полный.

Замечу, что словесная эквилибристика как метод подачи сведений играет чрезвычайно важную роль. Позволю себе привести хороший пример, почерпнутый мной в одной из работ по исследованию «демагогии», хорошо демонстрирующий то, как при помощи словесных конструкций можно

подать информацию о событии с большей или меньшей степенью сомнения. Сравним:

«Доподлинно известно, что произошло событие А».

«Из весьма компетентных источников нам сообщили, что произошло событие А».

«Произошло событие А».

«Мне сообщили, что произошло событие А».

«Мне пытались внушить, что произошло событие А».

«Мне назойливо внушали, что якобы произошло событие А. Впрочем, проверить это утверждение я не могу».

«Апелляция к домохозяйке»

Сюда относятся любимые многими многочисленными «Подумайте сами...», «Даже дураку ясно, что...», и особенно «Но вы ведь не сделали бы...».

Таким образом, постулируется, что средний представитель аудитории обладает тем же уровнем профессионализма и компетентности, что и политический деятель, на место которого ему предлагают встать. Это может польстить непритязательному зрителю или читателю, но дело-то именно в том, что не обладает он таким же уровнем компетентности и интеллекта. Да и логика государственного деятеля при решении подобной проблемы могла быть совсем иной.

Как хорошо сказал кто-то из сатириков, если врачам и инженерам обычно не дают советы относительно того, что и как они должны делать, то политикам каждый считает необходимым «объяснить, как надо».

Подыгрывание аудитории

Мастером этого приема является Радзинский в своих телепрограммах, которые кто-то из историков удачно окрестил «взглядом на историю через замочную скважину». В ход идут старые выдумки, мутные слухи и кухонные легенды в стиле *«моему отцу это шепотом рассказывал...»* *«эту историю любил повторять...»*.

А вместо доказательств используется определенный панибратский тон, доверительность, подстройка под читателя и мягкое но неуклонное давление: *«...но мы-то с вами, дорогие читатели, понимаем, как все было НА САМОМ ДЕЛЕ...»*. Идет своего рода игра, опирающаяся на тщеславие аудитории, которую Радзинский как бы вовлекает в свои игры.

В целом же этот прием основан на том варианте «навешивания ярлыков», когда историческим личностям приписываются мелкие мотивации интриганов коммунальной кухни в расчете на то, что значительная часть аудитории находится именно на таком уровне и «проглотит» подобную информацию без доказательств, привычно меряя окружающих по себе.

Подыгрывание аудитории проявляется и тогда, когда событие, хорошо известное историкам, но мало известное широким массам, объявляется им открытием, которое до того старательно замалчивали.

Легитимизированная телепатия

Здесь наиболее типичным примером является опять-таки Радзинский с его пафосным: *«И тогда Наполеон подумал...»*.

Насколько известно автору, научно разработанной технологии, которая позволяет расспрашивать умерших, на данный момент не существует, а показания многочисленных медиумов историками к рассмотрению не принимаются. Между тем, речь идет именно о том, что автор приписывает политическому деятелю некую мотивацию, которую затем сам же принимает за аксиому, и все его дальнейшие выводы делаются, а факты тракуются, исходя из этой посылки.

Но пафосный рассказ о том, что же именно подумал Наполеон, положенный на лицедейство рассказчика, отвлекает неготовую аудиторию, которая, наблюдая спектакль, начинает воспринимать трактовку, навязанную актером.

«Один, два, три, равняется очень много»

К мерам психологического воздействия относятся и те, которые связаны с ограниченностью человеческого восприятия. В этом смысле сюда даже игру с умолчаниями. Однако более явным примером манипуляций такого типа является ситуация, при которой трех или четырех примеров достаточно, чтобы в сознании среднего человека сформировалось представление о тенденции.

Таким образом, если у ревизиониста нашлось некоторое количество фактов, то при минимальной психологической обработке читателя фразами типа *«И это далеко не единственные примеры, иллюстрирующие...»*, они вполне превращаются в доказательную базу. Особенно, если этот прием используется параллельно с окрашиванием текста той или иной эмоцией.

Взаимодействие с критиками

Наконец перейдем к тем приемам, которые используются ревизионистами, когда точка зрения навязывается уже не массовой аудитории, а тем, кто настроен критически. Те же приемы используются, когда ревизионист вынужден объяснять, почему его точка зрения не встретила понимания. С моей точки зрения, применение приёмов из списка ниже свидетельствует о слабости позиции и невозможности отстоять её прямыми утверждениями и доводами.

Нарушение правил доказывания

В политической дискуссии «бремя доказательства» лежит не на том, кто выдвинул тезис/обвинение, а на том, кому после этого приходится доказывать, что он не верблюд. Тот, кто начал действовать первым и сумел заставить врага оправдываться, имеет приоритет. То есть, если в дискуссии о том, есть ли в России жидомасонский заговор, некто выдвигает мысль о том, что *«Борис Ельцин — еврей, его настоящее имя Барух Эльцинд и он член тайной секты поедателей младенцев»*, остальные вроде бы должны доказать обратное, и если им это не удастся, считается что некто прав.

Между тем, этот принцип противоречит стандартным правилам доказательств. Юридическая норма: презумпция невиновности, наоборот, означает, что доказать свое обвинение должен обвинитель. Защитнику же не нужно доказывать, что обвиняемый невиновен. Достаточно показать, что у обвинения не достаточно доказательств ЕГО точки зрения. Кроме того, все сомнения трактуются в пользу обвиняемого.

Забивание «профессионализмом»

Это попытка перевести обсуждение проблемы на «поле узкой специальности», в которой ревизионист вроде бы обладает настолько подавляющей компетентностью, что его оппоненты не способны адекватно оспорить его утверждение. Нечто подобное делал Фоменко, который в дискуссии с историками оперировал малопонятными гуманитариям выкладками в области математики и астрономии, а в разговорах с математиками приводил кучу исторических фактов, которых уже они не знали и не могли проверить.

Более явно этот прием прослеживается в деятельности Мензиса, который постоянно ссылается на свой опыт капитана подводной лодки (дескать, в отличие от историков, занимающихся только теорией, он как моряк и практик...). Например, он утверждает, что по тому, как изображена на карте береговая линия, можно определить то, в каком направлении плыл человек, который ее зарисовывал и производил необходимые замеры. Массовая аудитория уверена в том, что профессиональный моряк, конечно, прекрасно знает, как измеряются координаты, и проверять его «на вшивость» необходимости нет.

Однако при этом упускается из виду то, что в XV в., о котором идет речь, приборов глобального позиционирования не было, а классический процесс триангуляции требует высадки на берег и проведения там весьма длительных по времени замеров. Т. е. для того, чтобы получить искомый уровень детализации, проплывать мимо береговой линии, фиксируя ее на ходу, в условиях Средневековья недостаточно.

Точно так же европейские ревизионисты в свое время использовали мнение инженера-пожарника для доказательства своего тезиса о том, что

упомянутое количество трупов попросту нельзя сжечь в крематории данной конструкции так, чтобы от них остался только пепел. Расчет здесь опять-таки строился на том, что, прочитав длинный наукообразный пассаж (наличие в тексте сложных терминов, графиков, диаграмм, формул только усиливает этот эффект) о том, что технические мощности печей Аушвица не позволяли сжечь за 4 года 6 миллионов человек, большая часть аудитории не сподобится поехать в Освенцим проверять технические параметры крематория или попытается воспроизвести аргументы (не каждый историк одновременно является профессионалом в точных или технических науках), а поверит в столь разработанную и аргументированную гипотезу.

Подмена заслуг

Безусловный авторитет ученого или специалиста в области его прямой компетенции используется как прикрытие его более чем спорных высказываний в иной области. Мы уже говорили о том, что даже гениальность не предполагает всеведение, и книги того или иного автора на разные темы могут быть неодинакового качества, однако именно авторитет академика и его научные заслуги помогли Фоменко растиражировать свою теорию. При этом критика авторитета воспринимается как покушение на все его заслуги, играющие в данном случае роль священной коровы. Контраргументы по принципу *«Академик не может ошибаться»* или *«Вы подвергаете сомнению авторитет человека, который отдал науке 40 лет, является автором более 60 трудов и...?»* относятся к данному типу и не всегда парируются отделением уважения к имени и заслугам конкретного лица в принципе от его ошибочной позиции в частном вопросе.

Другой лик подобного приема – ссылка на авторитет неспециалистов, когда в качестве доказательства истинности точки зрения приводятся сведения о том, что ее поддерживают уважаемые люди. Например, в одном из споров по вопросам религиоведения меня пытались осадить цитатой из академика Павлова. Однако при всех его заслугах в области физиологии его мнение о бытии божьем не является столь же компетентным, как в ней. Гарри Каспаров – чемпион мира по шахматам, Эрнст Мулдашев — как говорят, действительно выдающийся офтальмолог, однако их высказывания на исторические темы – худший пример дилетантизма, подпитываемого их амбициями, рожденными высоким статусом в профессиональной области. Их имена широко известны массовому читателю, и ревизионисты могут «давить их авторитетом», однако считать, что академик-физик, известный спортсмен или заслуженный деятель искусств могут оценить историческую проблему глубже и правильнее, чем кандидат исторических наук, профессионально занимающихся этой темой, значит совершить ошибку.

Но, как отмечает аудитория, есть и более сложные варианты:

1. Ссылка на специалиста не в той области (причём, иногда не зная контекста, сложно понять та это область или не та). Пример – будучи

относительно известным специалистом по Корее, я, тем не менее, историк а не экономист. Поэтому мое мнение по вопросам корейской экономики вполне может нести отпечаток дилетантизма.

2. Ссылка на специалиста не того времени (мнение академика, высказанное 50 лет назад с учетом тогдашнего уровня развития науки или освещенности темы, вполне может сегодня считаться ошибочным).

3. Ссылка на «фальшивого специалиста», который на деле таковым не является. Этот вариант получил особое распространение в последние годы, с распространением разнокалиберных «Академий шоколада». Ибо массовому читателю может быть неведома разница между Институтом Дальнего Востока (учреждение в системе Российской академии наук) и Институтом политического и военного анализа, каковой на деле представляет собой ЗАО.

К подмене заслуг относится подмена квалификации репутацией, когда в ответ на аргументы в научной сфере нам рассказывают о том, каким замечательным человеком является автор теории или как его травил КГБ в сталинские времена. При этом подразумевается, что «хороший человек, примерный семьянин и активный общественник» априори является и хорошим ученым, а уровень преследования диссидента режимом или проявленного им при этом мужества прямо пропорционален правоте его теории.

Иногда этот прием используется и с обратным знаком, когда, не имея возможности опровергнуть аргументы, оппонент начинает порочить их автора. При этом речь может идти не только о некомпетентности или ангажированности специалиста, но и о качествах, не относящихся напрямую к его профессиональной деятельности. Как вы можете сослаться на мнение Чайковского! Он же гомосексуалист!

Перевод научной дискуссии в полемическую/политическую плоскость

«Так как точка зрения оппонентов ангажирована, она по определению не может быть объективной». Сотрудник КГБ не может говорить правду о своей организации за исключением случаев, когда он выступает с разоблачениями. Благодаря этому приему все аргументы критиков как бы заранее отменяются как попытки недобросовестных ученых защитить неверную точку зрения неверными способами. Тем более что обвинение в пристрастном подходе очень легко навесить на человека, придерживающегося в споре определенной позиции. В особенности этот прием распространяют на историографов старой школы, обвиняя их в том, что они до сих пор не освободились от коммунистического наследия, замалчивавшего факты и лакировавшего действительность. Между тем, хотя точка зрения классической советской историографии НЕ СОВСЕМ корректна, ее полное отрицание в рамках вышеописанной концепции СОВСЕМ НЕ корректно.

Подмена объективного восприятия пропагандистским

Этот прием вытекает из перевода дискуссии из научной плоскости в политическую, так как методика массовой пропаганды своей точки зрения отличается от методики установления научной истины. В частности, пропаганда склонна упрощать ситуацию с тем, чтобы сложившаяся картинка была ясна рядовому обывателю. Она игнорирует сложные процессы, представляя какой-то факт не как слагаемое множества действий и интересов самых разных групп и самых разных уровней, а как результат воздействия какого-то одного фактора. При этом, конечно, теряются важные детали и значимые тонкости, что, в частности, позволяет лучше использовать остальные приемы наподобие некорректного сравнения по внешним признакам.

В ведении дискуссии подмена объективного восприятия пропагандистскими штампами чаще всего проявляется в посылке «Если вы не согласны с нами, вы согласны с ними». Палитра мнений сокращается до двух, «нашего» и «вражеского», и несогласие с «нашими» мифами воспринимается как безусловная поддержка идеологии противника. Так что все те, кто смеет опровергать мнение Резуна или Соколова, записываются в апологеты преступлений сталинского режима, а сторонники пересмотра некоторых трактовок второй мировой – в антисемиты и скрытые поклонники Гитлера.

Кстати, насколько я помню, в западных сетевых дискуссиях есть даже определенное правило (т. н. «закон Годвина»), согласно которому дискуссиант, который первым докатился до сравнения своего оппонента с Гитлером, считается проигравшим спор ввиду отсутствия у него рациональных аргументов.

Иной пример. Публикация этого текста вызвала определенную критику, в рамках которой его автора обвинили в желании подавить свободную научную дискуссию и уничтожить все альтернативные точки зрения на исторические вопросы кроме официального государственного мифа. Но здесь мы переходим к следующему приему, который уместно назвать ...

Бой с Тенью

Таковой является ситуация, когда оппоненту или приписывается определенное высказывание, или его высказывание трактуется так, что на деле вместо реальной точки зрения оппонента ревизионист начинает дискутировать с неким конструктом, который существует только в его воображении. И естественно, побеждает.

Как правило, в дискуссиях это сводится к «вы считаете, что Х...», после чего утверждение Х критикуется, а то, о чем действительно говорил оппонент, уходит в тень.

Ради объективности отметим, что причиной такой тактики редко, но бывает действительное недопонимание. Именно поэтому я в дискуссиях достаточно часто переспрашиваю: *«Правильно ли я понял, что вы имеете в виду ...»*. Последнее бывает весьма важно при общении с незнакомым оппонентом, у которого может быть иной терминологический словарь, иные привычные речевые обороты.

Между тем, когда человек начинает навешивать ярлыки и дискутировать с выдуманными оппонентами, приписывая собеседнику то чего он не говорил, это не только характеризует его как человека неучтливового, но и создает сомнения в его научной компетентности: если в разговоре с собеседником он не способен верно интерпретировать то, что ему говорят, можно ли быть уверенным в том, что и в других ситуациях он правильно работает с фактами, а не видит то, что он хочет видеть?

Разгром очевидной нелепости

Прием строится на том, что в аргументации противника обнаруживаются некоторые ошибки (не обязательно являющиеся главными, стержневыми). Разбору этих ошибок уделяется большое внимание, после чего делается вывод о тотальной некомпетентности оппонента в обсуждаемом вопросе. Иными словами, частная ошибка выдается за стержневую, обнуляющую доказательную ценность всей системы.

Еще лучше, если во вражеской аргументации можно найти некоторое число явно нелепых утверждений, каковые несложно красиво разгромить, после чего делается вывод, что весь корпус доказательств оппонента равен по качеству разгромленному — *«на этих двух примерах уровень аргументации критиков нашей теории виден так хорошо, что приводит дальнейшие примеры я не вижу смысла»*.

Здесь ситуация осложнена тем, что специалист очень часто реагирует на «свой участок знания». К примеру, если в тексте выступления кого-то, кто называет себя политологом, я вижу вопиющие ляпы, которые касаются истории Кореи или современной ситуации на Корейском полуострове, мне психологически будет достаточно сложно поверить в то, что в других областях, которых касается данный автор, он компетентен.

Определенной антитезой к упомянутому выше приему является -

Игра в честность и объективность

Таковая сводится к признанию своих мелких и несущественных для концепции ошибок. Однако за таким признанием обычно следует требование к оппоненту: *«Я признал свои (мелкие) ошибки, а вы признайте свои (ошибочность данной концепции)»*.

Ложное позиционирование собственной объективности

Этим приемом очень хорошо владеет Буровский, который на страницах своей книги, вроде бы, громит и сионистов, и антисемитов. Однако среди антисемитов критике подвергаются их наиболее «пещерные» представители, и, отметив самые одиозные и радикальные книги данного направления, автор совершенно спокойно опирается на те, в которых те же самые мысли высказаны в более цивилизованной форме. В результате получается: *«Конечно, представление о том, что евреи приносят в жертву христианских младенцев, является мифом. Всем известно, что они просто убивают русских детей, чтобы обеспечить геноцид нашего народа».*

Риторический вопрос, применённый в качестве аргумента

Часто встречающимся аргументом оппонентов теории об "особенной агрессивности СССР" является риторический вопрос — *«а зачем тогда Сталину /Брежневу танков больше чем во всём остальном мире вместе взятом/линкоры класса 'Советский Союз/подставить по вкусу».* Некорректность приёма в том, что ответ подразумевается очевидным, а собеседник в подтексте упрекается в том, что он не знает таких очевидных вещей.

Рисование «лица врага»

От непосредственной критики конкретного оппонента по принципу «сам дурак» прием отличается тем, что из числа представителей противоположной точки зрения отбираются или высказывания людей, зомбированных официальной пропагандой и несущих откровенную чушь (подтекст — *«мы пытаемся установить истину, а у них мозги прокомпостированы»*), или ярко выраженных маргиналов (подтекст — *«сами видите, какие они все и насколько с ними можно вести нормальный научный диалог»*).

Прием, при котором экстремальные элементы движения выдаются за его мейнстрим, достаточно распространен не только в данном контексте. Кроме того, он накладывается на понятную ситуацию, при которой в объектив журналистов, снимающих нечто новое, незнакомое и непонятное, попадают «не самые умные, а самые шумные» — те, кто будет выигрышно смотреться в кадрах хроники. Мне это очень хорошо знакомо по телепередачам о неформалах, в особенности — о ролевиках.

Наезды на личность оппонента

Эта тема достаточно развита в текстах по искусству демагогии «Двенадцать приемов литературной полемики» от Карела Чапека или тексте Максима Шапиро «Как распознать идиота во время дискуссии».

Поэтому просто отметим, не развивая мысль, таких приемов как срыв дискуссии, перевод ее в скандал (истерика, жалобы типа «меня травят», «меня оскорбляют»), оскорбления оппонента, обвинение его в демагогии. Сюда же — намеренный отказ от дискуссии с мотивировками типа *«Что им тут доказывать? Нас все равно не захотят услышать»* или *«для того, чтобы полностью раскрыть абсурдность вашей точки зрения, мне придется набить целый том, а на это у меня нет ни сил, ни времени, ни желания»*.

Сюда же и замаскированные наезды на аудиторию категории «только дурак не поймет, что...». Сюда же и приемы типа «перевода стрелок», когда вместо ответа на неудобный вопрос ревизионист меняет тему, сохраняя наступательный тон, либо выступление в стиле: *«Я не буду отвечать на этот вопрос, пока вы не ответите на мои»*.

Впрочем, мы несколько увлеклись и ушли в описание приемов той «прикладной демагогии», которая относится к ведению дискуссии вообще. Тема эта достаточно интересная, но ревизионизма касается «боком». Поэтому остановимся, посчитав, что мы уже сказали достаточно много.